

## Эрлена Лурье. Праздное письмо

Эрлена Васильевна Лурье – человек с техническим образованием и профессией, но с гуманитарными интересами и способностями. Уже в зрелом (чтобы не сказать – в преклонном) возрасте она стала автором замечательных автобиографических книг. Вышло (прежде) и несколько стихотворных сборников.

«...После временного пребывания в «Лоскутках» весь мой архив превратился в книги, которые отражают жизнь семьи Шуффер-Лурье на протяжении 90 лет, начиная с юности моей матери и кончая юностью моих внуков. «Дальний архив» вышел, когда мне было 75 лет, «Глухое время самиздата» — 77, а «Такая разная жизнь...» — в мои 79...», пишет Э. Лурье.

Главным (а, пожалуй, и единственным) источником и материалом ее литературного творчества является собственная жизнь – в соприкосновении и в контексте жизни ее ближнего круга (родственников и друзей), но, как обычно бывает у талантливого человека, оказывающаяся зеркалом и кристаллизатором исторического времени.

Нынешняя работа Эрлены Лурье не есть сюжетное произведение, а ее интрига – исключительно внутренняя. Вопреки сомнениям автора, она может быть в равной мере интересна ровесникам и младшим современникам, не говоря уж о тех, кто еще не родился. Через активное и концептуальное цитирование обретенных (в свое время) формул - это эссе-размышление о жизни приобщает и к духовному опыту человечества.

Андрей Алексеев. 29.11.2012.

|                                        |    |
|----------------------------------------|----|
| ПРАЗДНОЕ ПИСЬМО.....                   | 2  |
| ЕСЛИ УСПЕЮ.....                        | 2  |
| СРЕДИ ОБРЕТЁННЫХ ФОРМУЛ .....          | 4  |
| ВОКРУГ ТВОРЧЕСТВА .....                | 16 |
| О ВРЕМЕНАХ И ПРАВАХ.....               | 29 |
| О ТОМ, О СЁМ, О ПРОХОДЯЩЕЙ ЖИЗНИ... .. | 55 |

## ПРАЗДНОЕ ПИСЬМО

Мне не хочется прощаться с жизнью,  
прихватив с собой все, о чем я не успел  
или не сумел рассказать.

*Вениамин Каверин*

Странную придумал я статью,  
на треть составленную из чужого текста.

Тем не менее, затея показалась мне  
имеющей смысл..

*Александр Кушнер*

Если раньше писали в стол,  
то нынче я чего-то пишу в компьютер.

Лично мне читать очень интересно.

*Василий Катанян*

## ЕСЛИ УСПЕЮ...

Что это будет? Ничего особенного,  
просто захотелось написать несколько  
глупостей о себе.

*Тадеуш Конвицкий*

Говорят, если хочешь насмешить Бога, расскажи ему о своих планах, ибо, как известно, человек только предполагает, а располагает вовсе не он. Но мне уже столько лет, что какие бы планы я ни наметила, все равно Его насмешу. Ну, пусть посмеется.

Да и не планы это вовсе, а так... Привычка уже такая – свои мысли ловить, чужие цитировать, да слова на мониторе туда-сюда переставлять, пока своего места не найдут. Можно бы, конечно, заняться приведением в порядок не каких-то там эфемерных мыслей или необязательных слов, а, например, квартиры или хотя бы себя. Но на эти равно бесполезные занятия просто жалко времени. Лихачев, кстати, точно заметил: **«Если у человека нет других забот, он с особенной настойчивостью заботится о своем здоровье».**

Правда, свои основные дела и заботы я уже почти окончила, но времени все равно жалко — не так много мне его остается... С ума сойти! Восемьдесят лет – это ведь уже старость глубокая! Это если про кого-то... А про себя – по-другому. И ведь у каждого так, доживете – сами увидите. Вот и Александр Фролов над собой иронизирует:

Я еще петушусь, петушусь.

-- Я еще ничего, -- говорю.

Я еще распишусь, распишусь

К сентябрю-октябрю-ноябрю.  
 Я еще похожу-поброжу,  
 Пошатаюсь на этой земле.  
 Я еще покажу-покажу  
 В декабре-январе-феврале.  
 Я еще хоть куда – хвост трубой!  
 Не устал еще, черт побери!  
 Я еще молодой, молодой...  
 А в ответ: говори-говори...  
 (Александр Фролов)

Когда я прочла этот стишок вслух, моя школьная подруга на том конце телефонного провода обрадовалась: «Спиши слова!» Ну, кто из нас думал, что мы до таких лет доживем?! Никто... Но вот – дожили... И продолжаем действовать, **«потому что работает потребность приложения еще не иссякшей энергии, автоматически приводя в движение смолоду освоенную модель человека, который должен сделать все, что может сделать»**, — это текст Лидии Яковлевны Гинзбург — ученого, филолога, исследователя литературы, прозаика. **«Моя тема — как человек определенного исторического склада подсчитывает свое достоинство перед лицом небытия»**.

Недавно я снова открыла том с её записными книжками и воспоминаниями, и как-то сразу наткнулась именно на эту тему, которую раньше, до того, *как обозначилась черта*, вовсе не замечала:

**«Это дело теперь практическое – с того момента, как обозначилась черта, за которой уже никак не скажешь: успеется, мы еще с этим разберемся; а пока еще можно, на всякий случай, жить так, как если бы все это имело смысл.**

**За упомянутой чертой откладывать мысль о смерти больше некуда, но жить, не расставаясь с этой мыслью, нормальному человеку не свойственно».**

Теперь, будучи уже «за упомянутой чертой», я читала словно бы про себя... Кстати, обложка этой книги совсем не случайно составлена из фрагментов аналитических работ Павла Филонова, ибо тексты Лидии Гинзбург — это непрерывный и пристальный анализ окружающей жизни, объясняющий человеческое поведение, реакции и поступки:

**«У тех, кому не даны абсолютные смыслы, откладывание сменяется отвлечением. Отвлекаемость человека обеспечена его потребностями и способностями, тщеславием и самоутверждением. Отвлекаемость существует на разных уровнях. На высшем – творческом, с его принудительностью и самопроизвольной постановкой целей. На уровне профессиональных интересов, деловых, бытовых, семейных задач, потребности деятельности и самолюбия. И, наконец, третий уровень – это уже отвлечение в чистом виде, когда человек занимает себя едой, телевизором, хождением в гости».**

Итак, все наше существование *за чертой* бесстрастным наблюдателем разложено по полочкам, вернее — по уровням. Подняв голову и поглядев на полку над компьютером, почти наполовину занятую моими книгами, с удовлетворением констатирую: *самопроизвольная постановка целей* — это точно про меня. Как и следующий абзац, который весьма убедительно раскрывает истоки возникновения распространенной «цитатной болезни»:

**«Откуда эта потребность подбирать чужие слова? Свои слова никогда не могут удовлетворить; требования, к ним предъявляемые, равны бесконечности. Чужие слова всегда находка – их берут такими, какие они есть; их все равно нельзя улучшить, переделать. Чужие слова, хотя бы отдаленно и неточно выражающие нашу мысль, действуют, как откровение или как давно искомая и обретенная формула. Отсюда обаяние эпиграфов и цитат».**

Вот, оказывается, чем многие годы подряд заполняла я свои записные книжки — *обретенными формулами!*

Многие из них в моих текстах уже использованы. Но еще больше осталось невостребованным. И никому они, кроме меня самой, не нужны — и значит, я должна обо всех этих хранимых мною чужих текстах позаботиться. Например, собрать их под одной обложкой: «Среди обретенных формул» — чем плохое название? И там же, кстати, можно поместить стихи из «Папки с чужими стихами», которые в свое время я откуда-то перепечатывала... А по дороге, может, еще что-то придумается, еще какие-нибудь тексты появятся... Хотя бы и мои собственные — почему нет? Если, конечно, к месту. В общем, сама не знаю, во что выльется эта пока еще неясная затея, все — как у меня всегда! — будет выстраиваться по ходу пьесы.

Но зато как хорошо — никаких ограничений, никаких обязательств! Ни перед детьми-внуками, ни даже перед собой — свобода! Просто время от времени стану подсаживаться к компьютеру, о том, о сём пописывать, туда-сюда цитаты переставлять, нужное место стишкам подыскивать... Надеюсь, такое необязательное и даже праздное занятие надолго обеспечит мою «потребность деятельности». А Николай Болдырев все это замечательно подытожил:

Всего точнее праздное письмо  
О том, о сём, о бесталанной жизни,  
О том, что сыпется песок в часах песочных...

И если эту явно долгоиграющую затею я успею превратить в книжку, я её так и назову — «Праздное письмо». Если, конечно, успею...

Потому что **«какая-то сила, точно предчувствие, торопит, чтобы я спешил»**. Пожалуй, из моих благих намерений не торопиться ничего не выйдет — в отличие от Чехова, мне даже и предчувствий никаких не требуется — один только здравый смысл.

Ну, а если все-таки не успею и мое «Письмо» останется в компьютере... Тут есть варианты — муж, дети, электронная почта... Короче, кто-нибудь да прочтет.

**«И если даже никто не будет это читать — ну и что? В конце концов, главное — радовать самого себя, получать удовольствие. Для этого и пишу»**, — Александр Журбин сказал именно то, что я думаю.

## СРЕДИ ОБРЕТЁННЫХ ФОРМУЛ

Я где-то вычитал, что иметь на каждый случай подходящую цитату — это наилучший способ мыслить самостоятельно.

*Игорь Губерман*

### В России надо жить долго!

По утверждению разных мемуаристов, эту свою знаменитую фразу Корней Иванович Чуковский произносил не единожды, но большинство запомнило, как торжествующе возгласил ее классик в 1962 году — в день широкого празднования в стране его восьмидесятилетия. Ибо за 10 лет до этого, в мрачный и, к счастью, последний год жизни Сталина, официальные круги почти не заметили юбилей крупного критика, литературоведа и переводчика и, конечно же, всеми любимого детского писателя, и отмечался он лишь в семье и весьма узком литературном кругу. И вот — дождался! Как

прокомментировал это событие Вениамин Каверин: **«Жил, жил и дожил до признания».**

А вот французский писатель Мишель Уэльбек смотрит на старость совсем с другой точки зрения — не как на возможность *получения*, а как на возможность *отдачи*: **«Надо жить долго. Те, кто живет долго, больше успевают написать. Кроме того, старость — время особых физических и психологических процессов, было бы обидно это упустить...»**

И это время я не упустила!

Однажды, в одном почти случайном стихе я, будучи уже на седьмом десятке, легкомысленно пообещала: «И если выйдет по плечу — всю жизнь свою перестрочу!» И ведь перестрочила!

Борис Хазанов сформулировал точно: **«Жизнь — это черновик литературы».** После временного пребывания в «Лоскутках» весь мой архив превратился в книги, которые отражают жизнь семьи Шуффер-Лурье на протяжении 90 лет, начиная с юности моей матери и кончая юностью моих внучек. «Дальний архив» вышел, когда мне было 75 лет, «Глухое время самиздата» — 77, а «Такая разная жизнь...» — в мои 79...

Жизни первая треть,  
Надо любить и смотреть  
В мир очарованным оком.  
Жизни вторая треть.  
Замысел должен созреть  
Где-то в укрытье глубоко.  
Жизни последняя треть.  
Осуществить.  
Умереть.  
(Давид Самойлов)

Как раз в последнюю треть жизни я все и осуществила, осталось только это совсем необязательное, поистине *праздное письмо*. Ну, и еще одно дело — последнее и обязательное, но совершенно непредсказуемое. И если можно о чьей-то смерти сказать как о событии счастливом, то у выполнившего свою программу автора стихотворения она оказалась именно такой. Давид Самойлов вел вечер памяти Бориса Пастернака, когда вдруг что-то заставило его уйти за кулисы. Он еще успел успокоить окружающих: «Все хорошо, все в порядке»... И это были последние слова одного из лучших поэтов военного поколения...

Помните его хрестоматийные строки: «Сороковые, роковые / Свинцовые, пороховые, / Война гуляет по России, / А мы такие молодые...» Самойлов ушел, конечно, не молодым, но и не старым — ему еще и семидесяти не было. И потому как-то странно было прочесть у него такую выстраданную фразу: **«Старость — это пора, когда все становится мероприятием: хождение, дыхание, еда, даже любовь»...**

Когда он успел так это прочувствовать? Постоянно работал — писал стихи, воспоминания, письма, в Москву на вечер приехал... Самойлов был в форме и, надо думать, заслужил такой мгновенный уход «на полуслове, полустрочке».

Это выражение из моего стиха. Лет в пятьдесят я почему-то много думала о смерти: «Остановись, подумай о душе — / пора уже в дорогу собираться...»; или «Все. Кончен бал. Использован билет, / что дал мне Бог, впуслав на этот свет...» Или еще того круче: «Наложат мне последний грим, / и горстью пепла обернусь...» Ну, и этот стишок появился тогда же:

Хотелось бы поставить точку  
Без тормозов, без проволоочки,

Чтоб жить — и сразу вдруг — не жить...  
 На полуслове, полустрочке...  
 Но чем такое заслужить?

Вопрос риторический. Честно говоря, думаю, что это уж кому как повезет. Но в любом случае надо стараться быть в форме — это еще утверждал такой умный человек, как Андрей Битов: **«Одна из основных вещей возраста – не думать, что все уже прошло. ...Когда действительно все проходит, еще что-то происходит. До конца надо быть в форме. И это существенно. Слабоумие настигает людей расслабленных».**

Главное — не думать, что все прошло. Причем, с одной стороны, необходимо помнить, что тебя в любой момент могут выдернуть, а с другой — **«не надо бояться времени, не надо с ним бороться, надо сделать его своим союзником. Надо жить, а не ждать смерти»**, — так убеждал себя и других Александр Демьяненко — актер трагической судьбы, ставший заложником собственной популярности в роли Шурика из фильмов Гайдая. И как актер он не реализовался, а ведь когда-то Козинцев пробовал его на роль Гамлета — остались только фотографии.

«Надо жить, а не ждать смерти»...

А это означает, надо чем-то заполнять душу и голову, во что-то себя вкладывать... В одном из давних стихов я мечтала: «Как я хочу опять писать, лепить и шить!» Увы — шить нынче не могу из-за глаз, лепить — из-за рук, семейные книжки уже написаны... Кстати, по поводу семейных записок: в 1866 году некий Савва Федосеич Поярков, прочитав труд своего дядюшки, откликнулся на него так: **«Едва ли многим, не только у нас, но и в опередивших нас государствах выпадает счастливый жребий иметь такие семейные записки»**. Был бы у меня такой племянник, мог бы и мне то же самое написать, разве нет?

Итак, шитье и лепка остались в прошлом, могу только продолжать писать. Хотя бы так, пунктирно, по дороге от одной цитаты к другой. Между прочим, заполнять пространство между готовыми цитатами гораздо труднее, чем просто сбрасывать на бумагу поток сознания, привлекая чужие свидетельства по мере надобности. Но я всегда любила формальные задачи, всякие буриме, акrostихи или моноримы. Только там стихи, а здесь — проза. В сущности, это тоже творчество, а творчество **«есть род общения. Можно писать для многих и для немногих, (даже для трех человек знакомых), для потомства, для воображаемого читателя...» (Лидия Гинзбург)**.

А у моего текста два читателя уже точно есть: один прямо с моего монитора читает, а другой — через компьютер. **«А если это доставляет удовольствие еще и другим, то можно работать дальше» (Фредерико Феллини)**.

Тем более что **«писать — это огромная привилегия, подарок. Это то, что дано тебе, и то, что ты можешь дать другому» (Эми Тан)**.

К тому же **«каждая изданная (или даже не изданная, но написанная) книга, прозвучавшая мелодия, оконченная картина есть образ времени, или отпечаток художника во вселенной» (Александр Журбин)**.

Ну, и какое же тут *пространство между цитатами*? Где тут обещанное *творчество*? Вместо того, чтобы думать самой, я одну за другой привожу фразы, оправдывающие мою графоманию!

Впрочем, **«так называемая графомания, как акт писания для себя, как самоудовлетворение в этом акте, представляется благим промыслом и формой удачи для многих простых душ, не притязающих на большее, чем общение с самим собой, и этому пути не может быть судей, как не может быть судей молитвам, которые творит частное лицо»**, — так считает психолог Владимир Жикаренцев.

В общем, все, что я могла бы и хотела сказать, уже давно кто-то сформулировал, и мне ничего другого не остается, как снова и снова выбирать подходящие цитаты из множества заведенных в компьютер своих «обретенных формул»,

У меня нет вариантов — в моем возрасте уже трудно менять привычки. Десять лет подряд, просыпаясь и делая вид, что еще сплю, я начинала думать, перемалывать, прокручивать и перелопачивать в голове то, что потом должно было стать текстом. И вот теперь, когда весь семейный архив уже перенесен в книги, и я стала свободной, теперь, вроде бы, можно с облегчением вздохнуть.

Но оказалось — нельзя... Потому что пока еще осталась жизнь. И мои записные книжки. А не зря же сказано: **«Пока не иссяк материал, надо продолжать, кому бы и чего бы это ни стоило» (Миклош Месей).**

Итак, продолжим — потому что пока еще осталась жизнь.

Вот о ней и поговорим.

### **Что наша жизнь...**

У меня на эту тему есть очень подходящий стишок:

«Что наша жизнь? — Игра!»  
Играем в Дом и Службу,  
Когда пройдет пора  
Играть в Любовь и Дружбу.

Чем кончится игра?  
Не надо быть пророчицей —  
Зовут: «Домой пора!»  
А уходить не хочется...  
Как в детстве со двора.

Никаких свежих — да и вообще никаких — мыслей, все весьма банально... А вот мысли-то как раз тут очень даже требуются, потому что на самом деле, как гениально сформулировал еще Марк Аврелий, **«наша жизнь — это то, что мы думаем о ней сами»...**

А думаем мы о своей жизни совершенно по-разному.

Например, поэт начала двадцатого века считал, что в мире существует закон сохранения добра, и старался жить в соответствии с этим законом:

**«В нравственном мире существует закон сохранения добра. Каждый получает в ответ столько доброты от мира, сколько он сам тратит. Но получает как бы в подарок, т.е. чаще всего не от тех людей, которым он сделал добро» (Самуил Маршак).**

А поэт конца двадцатого века говорит о законе сохранения энергии:

**«Существует закон сохранения энергии. Энергия, выданная в мир, не пропадает бесследно при любой политической или культурной изоляции. И если в этой энергии есть еще и какое-то определенное качество, то тогда волноваться совершенно незачем» (Иосиф Бродский).**

У Маршака — этика, у Бродского — физика. Другое мышление. Но, в любом случае, каждый из нас что-то отдает этому миру, каждый свою жизнь проживает по-своему, и каждый по-своему ее определяет. Бродский, например, был очень недалек от истины, когда сказал:

**«То, что мы называем жизнью, в конечном счете, есть лоскутная ткань, сшитая из чьих-то воспоминаний».** И ведь, действительно, если судить по количеству

книг, вышедших о личности и поэзии Иосифа Бродского, его жизнь больше, чем чья-либо другая, превратилась в воспоминания о нем разных людей.

А французский хореограф Морис Бежар тоже говорит о лоскутках, но уже в совершенно другом значении:

**«Я — лоскутное одеяло. Я весь из маленьких кусочков, оторванных мною ото всех, кого жизнь поставила на моем пути».** Получается, что жизнь Бежара зависела не столько от него самого, сколько от тех, кого он встречал на своем пути.

Его российский коллега Борис Эйфман считает жизнь напряженной работой — свою жизнь он строит сам и убежден, что **«иметь свое лицо и свою, не похожую на другие жизнь — это колоссальная работа ума и чувств».**

А Дмитрий Сергеевич Лихачев рассуждал как ученый: **«Главной жизненной задачей должны быть обязательно задача шире, чем просто личностная, она не должна быть замкнута только на собственных удачах и неудачах. Жить нужно созидая, нужно поддерживать созидательность в жизни. Жизнь разнообразна, а следовательно, и созидание разнообразно, и наши устремления к созидательности в жизни должны быть тоже разнообразны по мере наших способностей и склонностей».**

Иначе говоря, в идеале жизнь — это созидательная работа ума и чувств каждого человека. К сожалению, в своем большинстве мы живем, как живется, стараясь особо не тратиться, и спохватываемся, когда вдруг понимаем — не может быть! Ведь только что все было еще впереди! А теперь вдруг оказалось, что — уже...

Не может быть — все только, только начато.

Живу я налегке и второпях.

Так бестолково, все как будто начерно,

Поправки оставляя на полях.

Я день за днем вычеркиваю кряду

И ничего исправить не спешу...

Все верю, что когда-нибудь присяду

И без помарок жизнь перепишу.

*(Галина Гампер)*

Мне кажется, это очень точные стихи о нашей порой бестолковой и всегда быстротекущей жизни — думаю, подписаться под этим текстом могли бы многие. И я, разумеется, тоже. К сожалению, мало кто из нас относится к своей жизни столь ответственно, как тот же Борис Эйфман или, например, Андрей Тарковский — хотя для этого совсем необязательно иметь такой же талант:

**«Смысл духовного состояния человека в том, что он должен ощущать ответственность перед собственной жизнью. Моя личность не имеет никакого значения, потому что талант, который мне дан, он дан свыше. И если он мне дан, значит, я чем-то отмечен. А если я отмечен, значит, я должен служить этому, значит, я уже раб, а не пуп земли».**

**«Я должен служить этому»...** Потому что если тебе что-то дано, ты должен это вернуть: **«Надо прожить жизнь, чтобы понять, что она тебе не принадлежит»** *(Надежда Мандельштам)*.

И великий Гете тоже говорил: **«Жизнь — это долг, хотя бы она длилась одно мгновение».**

Слово «долг» звучит и в афоризме, истоки которого теряются в глубокой древности — его очень любил повторять Лев Толстой:

**«Делай, что должно, и пусть будет, что будет».**

И еще поучал: **«Не стараться делать добро надо, а стараться быть чистым... Все дело человека внутреннее не в делании добра, не в свечении людям, а только в очищении себя. И свет, и добро людям – неизбежное последствие очищения».**

В наше время говорят короче — начни с себя! Потому что **«определяет судьбу человека то, как он понимает себя» (Торо).**

Как он себя понимает, так все и происходит, ибо **«только наши мысли, находящиеся в сознании или подсознании, определяют то, что вы имеете на данный момент в своей жизни» (Владимир Жикаренцев).**

Я уверена, что это так и есть — мы сами творим свою судьбу. Судьба предлагает варианты, а у человека с его свободной волей всегда есть выбор. Иногда это очень жесткий, даже самоубийственный выбор, но он есть всегда. В 1958 году в журнале «Иностранная литература» я прочла роман чешского писателя Плугаржа «Если покинешь меня...» Роман не помню совершенно, но тогда же выписанная оттуда фраза всю жизнь давала мне поводы убеждаться в ее правоте: **«Судьба — не цепь случайностей. Человек сам создает свою судьбу еще до того, как она складывается».**

Тем более что **«наша судьба – это вовсе не законсервированный список жизненных событий. Она находится в постоянном движении, меняемся мы – меняется и наша судьба. Поэтому каждый человек каждый момент своей жизни творит не только ближнее будущее, но свою судьбу – своими желаниями, мыслями, словами, я не говорю уже о действиях. Желания открывают путь воздействия, мысли и слова притягивают события, а действия определяют Судьбу» (Н.Правдина).**

Забавно, но у меня на эту тему есть два противоречащих друг другу стихика. В одном утверждается, что все зависит от себя:

...Не подарки судьбы и природы,  
Все — сама, даже первая встреча...  
Не ждала я у моря погоды,  
Не боялась за слабые плечи,  
А узнав этой жизни изнанку,  
От нее не бежала трусливо...  
Поняла мой характер цыганка  
И сказала: «Ты — будешь счастливой!»

А в другом — признание того, что нашими жизнями вершит Судьба.

Жизнь — это то, что с нами происходит,  
Пока мы строим совсем другие планы...  
И вот опять Судьба нас за нос водит,  
И мы идем — покорно, как бараны,  
И смотрим лишь на то, что под ногами —  
Споткнешься — подтолкнут и доконают!  
И мы не видим — высоко над нами  
Воздушных замков очертанья тают...

Наверное, все дело в том, что в первом случае «я шла, куда Судьба подскажет...». И тогда все складывалось хорошо. А вот если Судьба подает знаки о том, что «не лезь, отойди в сторону», а человек упрямо «строит планы» и идет напролом — вот тут-то наша жизнь и дает сбой, вот тут-то воздушные замки и тают... Потому что **«биографию делаем мы, а Судьба делает нас» (Алексей Смирнов).**

А вот философ Павел Флоренский связывал развитие той или иной судьбы с именем, данным человеку при рождении: **«По имени – житие, а не имя по житию».**

Связь имени и жизни, видимо, имеет под собой какую-то реальную подоплеку — в биографической книге Андрея Вознесенского я прочла, что **«арабы и индейцы, когда рок тяготел над ними, меняли имя, чтобы подобрать себе, как рифму, иную судьбу»**.

Я не стала менять данное мне родителями красивое имя, связанное, как теперь выяснилось, с трагической для России личностью. Иной судьбы не хотела, но для облегчения существующей выписала из очередной психологической книжки пять правил жизненного поведения, собранные вместе явно из разных источников:

1. **Наша жизнь – это то, что мы думаем о ней сами.**
2. **Никогда не думайте ни минуты о людях, которых вы не любите.**
3. **Вместо того, чтобы переживать из-за неблагодарности, будьте к ней готовы. Помните, что Христос излечил 10 прокаженных за один день — и только один из них поблагодарил его. Почему вы ожидаете большей благодарности, чем получил Христос?**
4. **Ведите счет своим победам, а не своим поражениям**
5. **Когда судьба вручает вам лимон, постарайтесь сделать из него лимонад!**

С первым положением согласна, второе трудновыполнимо, третье... Третье надо бы выучить наизусть и не забывать каждый день его повторять, четвертое старательно выполняю, а пятое... Увы — с пятым тоже проблемы, ибо когда судьба вручает вам лимон...

Тут только один рецепт — работа:

**«Какая удивительная вещь – работа! Ведь мы думаем, что работаем, чтоб есть, чтоб одеться, чтоб услужить людям, чтоб похвалили; неправда: все мы работаем для того, чтобы уйти от себя в работу» (Лев Толстой).**

«Уйти в работу» можно тогда, когда работа интересна, когда она увлекает. А если у человека есть не одно увлекающее его дело, а несколько, то тем лучше для него:

**«Человек становится счастливее, когда он реализуется по всем данным ему Богом путям. Очень многим людям не удается вычерпать свои внутренние возможности. Тогда их снедает постоянная тоска, которая то и дело прорывается в странных анархических выходках» (Константин Паустовский).**

Так что надо как можно раньше постараться понять, чего тебе хочется, что ты можешь, на что способен. Потому что **«и в жизни, и в искусстве нам следует приниматься только за то, что осуществимо и к чему у нас больше всего способностей» (Генрих Гейне).**

Именно реализация своих способностей дает человеку удовлетворение или даже счастье. Лучше всего об этом сказал Анатолий Ким:

**«Счастье – это очень просто, это когда ты можешь заниматься делом, для которого рожден, будь ты лосось, акварелист или ездовая собака».**

Обычно человек интуитивно чувствует, в какую сторону его влечет, куда именно надо ему идти. Интересно, что Паустовский, рассказывая о «свободном поиске» своего творческого пути, сначала говорил так: **«Я никогда не тащил себя за шиворот к назначенной цели. Я любил ходить по дорогам, не зная, куда они ведут».**

Но в другом месте своих воспоминаний признавался, что был ведомым: **«Я иду своими путями. Я не иду, меня кто-то ведет, и я знаю, что пути эти правильны и неизменны».**

И уж если тебя кто-то ведет, то, значит, приведет куда надо, потому что всех нас по жизни ведет подсознание, высший разум, судьба, провидение — этот внутренний голос можно называть по-разному. Главное, что от нас требуется — очень внимательно прислушиваться к нему, не соблазняясь более легкими или выгодными путями. Под влиянием этого голоса мы порой меняем направление своей жизни, и даже сами себе не

можем объяснить, почему поступаем именно так. В XIX веке немецкий философ Артур Шопенгауэр называл такие неосознанные желания «внутренними принципами»:

**«Каждый человек имеет конкретные внутренние принципы – они в его крови, они текут в его жилах, как результат всех его мыслей, чувств и хотений. Обычно он и не подозревает об их отвлеченном существовании. Только когда он смотрит в свое прошлое и видит, как формировалась его жизнь, он понимает, что всегда им следовал, как будто они подавали ему знаки, за которыми он бессознательно шел».**

А в XX веке примерно то же самое говорил о себе российский философ и историк русской литературы Михаил Осипович Гершензон: **«Мне было дано какое-то непререкаемое чутье, инстинкт мула, который уверенно вел меня помимо моего сознания... Теперь, озирая свою жизнь, я каждый раз полон удивления: какая последовательность в ней — и какая чудесная предопределенность от первых лет!»**

Иногда, чтобы все-таки объяснить себе это «непререкаемое чутье», мы прикрываемся привычными выражениями: «сердце подсказывает», «душа требует», «совесть не велит»...

Именно совесть чаще всего называют голосом Бога:.

**Все эти многочисленные пословицы на тему — «Живи не так, как хочется, а как Бог велит» говорят об одном — слушай только голоса совести (“нравственный императив”) — ни отца, ни матери, ни закона — только Его, Бога (опять же — Совести своей), которая всегда знает, как именно должно поступить. И тогда легко выбирать линию поведения (Марк Харитонов).**

А у Сервантеса то же самое сказано гораздо короче, не зря же говорят, что краткость — сестра таланта:

**«Главное — жить в ладу со своей совестью, и пускай себе люди говорят, что им вздумается».**

### **В зеркале цитат**

У Константина Паустовского есть неожиданные для его творчества рассуждения:

**«В механике существует понятие “коэффициент полезности”. Так вот, у человека этот коэффициент полезности ничтожен. Мы ужасаемся, когда узнаем, что паровоз выпускает на воздух без всякой пользы чуть ли не 80 % пара, который он вырабатывает, но нас не пугает, что мы сами “выпускаем на воздух” девять десятых своей жизни без всякой пользы и радости для себя и окружающих».**

Вот я, например, львиную долю времени трачу на бесцельное хождение по комнатам в поисках очков или телефонной книги. И на бессмысленное перекладывание вещей с места на место «без всякой пользы и радости для себя и окружающих», потому что... Ну, в общем, «потому что».

И это ужасно раздражает — трудно смириться с тем, что быстро старею, что все забываю, что... Не стоит перечислять все эти «что». Моя давняя приятельница Таня Ищенко, живущая сейчас в Германии, прислала мне в письме стихотворение «одной американки» с таким сопровождением:

**«В основном теперь это я!! Один к одному, так что больше и слов не надо. И все же жизнь идет и все меняется, правда, для меня мало уже что изменится, теперь я могу только созерцать жизнь моих детей; пока ничего еще радостного не имею, кроме внучки Дашеньки в Москве...».**

### **ДОМОХОЗЯЙКА**

Я сижу среди моих вещей  
Между неупорядоченными бумагами  
Между незастланными постелями  
Между неотвеченными письмами

Между невымытой посудой  
 Между непрочитанными письмами  
 Между незаштопанным бельем  
 Между незаконченными картинами  
 Между непротертыми окнами  
 Между незаписанными мыслями  
 Между незанятыми стульями  
 Как хорошо было бы сейчас просто поговорить!  
*(Фредерика Фрай)*

В этом более чем выразительном стишке может узнать себя каждая «домохозяйка», я, например, из всего этого перечня честно выполняю всего два пункта: привожу в порядок свои бумаги и мысли худо-бедно тоже записываю. Ну, и постель еще застилаю. А все остальное... Но, конечно, вспоминаются времена, когда были и работа, и дети, и магазины, и готовка-стирка-уборка, и при этом еще шила-вязала... В моей «Папке с чужими стихами» лежит давний стишок Елены Елагиной, в котором я как в зеркале увидела свою жизнь с болеющими детьми, неудовлетворенностью положением вещей и даже холодом: в первую зиму в нашей новой кооперативной квартире — правда, в другом районе — в аквариуме замерзли рыбки.

В промерзшем Купчине, в простуженном, в навывлет  
 проветренном, в продрогшем навсегда,  
 в промерзшем Купчине, где снег на рельсах стынет,  
 и замерзает на лету вода,  
 в промерзшем Купчине я столько бедовала  
 с больным ребенком, а потом — с двумя...  
 стихи писала, ссорилась, рыдала,  
 три тыщи книг в болезнях прочитала,  
 и против доли женской бунтовала...  
 А оказалось — счастлива была.  
*(Елена Елагина)*

Разве что стихов я тогда еще не писала и с мужем не ссорилась — как-то мы умудрились прожить без этого. Хотя и не без слез... Но в те же годы у нас часто бывали друзья, мы постоянно что-то читали, изредка выбирались в театры — и время это мне тоже вспоминается как счастливое... Во-первых, конечно — молодость... А во-вторых, «все зависит от точки отсчета». У меня было главное из того, о чем когда-то мечталось — любимый муж, двое сыновей и собственная квартира. И ничего другого мне тогда не хотелось, даже денег, которых никогда не хватало до получки... Случалось даже, что нашим неожиданным гостям (телефон появился не сразу) в дополнение к скудному угощению я зачитывала стихотворение, которое очень нас тогда выручало!

Сосед соседа угощал — поставил он горчицу,  
 Еще солонку он достал — красивую вещицу.  
 А на столе его была красивая салфетка,  
 А у стола его была резная табуретка,  
 Еще картина над столом красивая висела.  
 Еще собака под столом красивая сидела,  
 Еще с цветочком был горшок у этого соседа...  
 Все было очень хорошо!  
 Но не было обеда.

*(Эмма Мошковская)*

Все смеялись, и в результате, действительно, «все было очень хорошо». Потому что и вещь красивая, и салфетка китайская вышитая, и картинка Андрюшина и фотографии на стене, — все это у нас имелось. А позже у нас и собака красивая появилась. В общем, с деньгами было туго, но как-то обходились, и настроения это никогда не портило, ибо **«быть счастливым – значит не желать того, чего нельзя получить» (Василий Ключеский)**.

А я ничего такого не желала и бедной себя тоже не ощущала, потому что **«беден не тот, у кого мало, а тот, кому мало»**, — я даже стишок по этой мысли Дмитрия Сергеевича Лихачева сочинила:

Беден вовсе не тот, у кого ни кола, ни двора,  
Беден истинно тот, кому мало того, что имеет...  
Ну, и так далее...

Борис Ямпольский, которого разные обстоятельства заставляли жить весьма экономно, со знанием дела это расшифровал: **«Не хватает нам, наоборот, когда мы много имеем. Тогда — да, на что-нибудь да не хватает, все равно, не на то, так на другое. А когда в обрез — на все хватает»**.

Мы жили в обрез, с долгами и ломбардом, но как-то хватало и на фототехнику, и на какие-то поездки, и на общую любимицу — большую коричневую пуделиху Шери, чье полное имя происходило от английского *luxuri* — роскошь, излишество, что вполне отражало состояние нашего кошелька. Раз уж речь зашла о Шери, не могу не вспомнить чудный стишок, который американка Дороти Паркер написала, а Елена Фрадкина перевела:

#### СТИХИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ОДНОЙ СОБАКЕ

Какою дивной верой, славный друг,  
Исполнен твой открытый, честный взор!  
Тебе неведомы сомнение и испуг.  
(Сейчас же перестань трепать ковер!)

С восторгом мир приемлешь. Шар земной  
Для одного тебя был сотворен.  
Всех грозových веков наследник ты прямой.  
(Вот только опрокинь мне телефон!)

Холодный скепсис мира не сумел  
Твоей надежды юной запятнать.  
Мой благородный друг, ты чист и смел.  
(Куда ты с грязной костью на кровать!)

Навстречу дню грядущему спеша,  
Встречаешь ты мирскую суету.  
Царит твоя крылатая душа.  
(Ты перестанешь приставать к коту!)

Любовь тебя на подвиги звала,  
Душой всегда стремился ты к мечте.  
Хвалы достойны все твои дела.  
(Опять грызешь печенье на тахте?)

Из всех даров ты – самый дорогой,  
Ведь друг такой не может нас предать.  
По жизни до конца пройдешь со мной.  
(Ты что, не мог немножко подождать?!)

*(Дороти Паркер)*

Мне все это очень близко, поскольку первого щенка я завела «для радости» еще тридцать лет назад. И веселая забавная пуделишка полностью оправдала мои надежды, став в семье настоящим «генератором положительных эмоций». А, как справедливо сказано у Лидии Гинзбург, «выбирая эмоцию, отказываются от покоя»:

**«Поступок есть *выбор* некоторой ситуации и, тем самым, отрицание других возможных ситуаций. Выбирая эмоцию, отказываются от покоя; выбирая труд, отказываются от легкости; выбирая подхалимство, отказываются от творчества» (Лидия Гинзбург).**

Да уж, труда и трудностей хватало, а что касается покоя... «Покой нам только снится»... Впрочем, я его никогда не искала и еще в юности пережила все перечисленные увлечения:

**«Человек, не испытывавший горячего увлечения литературой, поэзией, музыкой, живописью, не прошедший через их эмоции, выучку, навсегда останется душевным уродом, как бы ни преуспевал он в науке или технике» (Корней Чуковский).**

Муж, дети и собака — главные поставщики моих эмоций — появились уже позже, и сегодня я думаю, что правило Ландау в своем семействе выполняла слишком буквально.

**«Основное жизненное правило у меня: никогда не вмешивайся в чужие дела, давай всем свободу» (Лев Ландау).**

Иногда неплохо было бы и вмешаться. Но — поезд уже ушел...

**«Чем больше в человеке страстности, тем больше и чистоты, целомудрия. Развращенность и цинизм – порождение слабосилия, бесстрастия» (Генрих Нейгауз).**

Это высказывание замечательного пианиста Генриха Густавовича Нейгауза давно и, как подозреваю, по вполне определенному поводу я выписала из его книги «Об искусстве фортепьянной игры». Интересно, в каком контексте стоит там эта фраза? Но не искать же ее по всей книге! Впрочем, я давно ее не перечитывала, так что, может, и поищу...

Надо сказать, в моих записных книжках имеются цитаты, не только отвечающие моему умонастроению, но и такие, в которых мне виделось подтверждение своему взгляду на чьи-либо дела и поступки.

**«Любить себя можно двумя способами. Можно видеть в себе создание Божие, а к созданиям этим, какими бы они ни стали, надо быть милостивыми. Можно видеть в себе пуп земли и предпочитать свои выгоды чужим. Вот эту, вторую любовь к себе нужно не только возненавидеть, но и убить» (К.С.Льюис «Бог под судом»).**

Мне кажется, я себя вообще не очень любила. Вернее — за душой еще следила, а заниматься телом было неинтересно. Увы, сейчас расхлебываю. Но вот «вторую любовь» пришлось наблюдать с близкого расстояния. Даже, к сожалению — слишком близкого...

**«Деяния человека свидетельствуют о его духовном состоянии, как сыпь на коже от внутренней болезни» (Василий Яновский).**

Вот они и свидетельствовали... Потому что «человеческое благородство основано на самоотдаче» (Сент-Экзюпери).

На самоотдаче, а не на эгоизме.

**«Один из самых главных признаков интеллигентности – не считать себя центром мироздания. Люди, лишённые чувства благодарности, для меня – уже как бы второй сорт» (Алиса Фрейндлих).**

«Пуп земли» (у Льюиса) или «центр мироздания» (у Фрейндлих) — это одно и то же. Это уже не интеллигенция. Ибо, как удачно сказал неизвестный мне автор, **«неблагодарность — это тщеславие ничтожных, а благодарность — это скромность сильных».**

Причем если актриса признаки интеллигентности видит в качествах душевных, то Ефим Эткинд — человек науки — говорит о ее причастности к духовности: **«Мне кажется, что главная черта интеллигентности — бескорыстие, способность к бескорыстной духовной деятельности».**

А в высшей степени интеллигентная Белла Ахмадулина, которая ни разу не изменила своей благородной жизненной позиции, подтверждала, что за собой надо следить: **«Да, я всегда старалась соблюдать опрятность человеческого поведения».**

К сожалению, не пометила, откуда выписан следующий выразительный абзац о реакции Ахматовой на чье-либо «неопрятное поведение»:

**«Рассказывают, что Анна Андреевна Ахматова, чей холодный олимпийский юмор был наиболее адекватным выражением нравственного чувства, узнав о каком-нибудь малопочтенном поступке собрата по перу, замечала философски: “Трудно представить, чтобы Тютчев поступил таким образом”».**

А этот текст, похоже, был приведен где-то в качестве цитаты:

**«Талантливый человек, как правило, мало способен к злобе. Злоба — это главный вид душевного движения тупого и бездарного человека. Все степени злобы — от мелочного раздражения на ближнего своего до “священной ненависти” — имеют одну общую точку происхождения. Эта точка — зависть. Зависть — это прямой самоотчет бездаря» (Петр Чаадаев).**

Такая подпись стоит в моей записной книжке, но стиль текста совершенно современный. «Самоотчет бездаря»... Неужели так выражались во времена Пушкина?

**«Посредственные люди не выносят в других положительных качеств, каких они лишены сами. Они не верят, что такие качества вообще существуют и воспринимают чужую проницательность, порядочность, щедрость, доброту и т.п. как притворство и ханжество» (Борис Кузин).**

Это абсолютно точное замечание, я с этим сталкивалась не единожды. И не то, чтобы я была какая-то особо порядочная, щедрая или добрая, но случилось, заговоришь о чем-то для себя важном, а вместо ожидаемого отклика тебя тут же «поставят на место»: мол, нечего из себя изображать, ты такая же, как все. На одну такую плюху отреагировала стишком:

Всю жизнь я попадаюсь на крючок...  
 Наживка всякий раз одна и та же:  
 Лоскут вниманья, общности клочок —  
 Те мелочи, которых нет в продаже.  
 И вот опять мерещится и снится  
 Все тот же сон — душа родная мнится...  
 В который раз обманываюсь вновь!  
 Разину рот — а в результате кровь!

Бывают люди, которым трудно представить, что у другого человека могут быть другие ценности.

**«Как от женщины мы ждем красоты, так от мужчины — великодушия. Поэтому самое страшное качество для мужчин — жадность, ибо жадный не бывает великодушным» (Альфред Щеголев).**

Жадность — это отвратное качество вообще, а у мужчин — особенно. Но тут никаким личным опытом похвастаться не могу. По поводу душевных качеств высказывался и философ Бердяев:

**«Рабы всегда танцуют на могилах своих хозяев. Чувство мести — чувство раба. Чувство прощения — чувство господина».**

Чувство мести — это не про меня, а вот чувство прощения... Это такое чувство, которому надо учиться, и одно из тех, что дают человеку, может быть, самое главное — покой на душе. Наука, надо сказать, нелегкая, но как же я рада, что почти этому научилась... Почти... Бывает, скребанет что-то на душе — но тут же говорю себе — стоп... Сюда нельзя. Не твоя проблема — не тебе и разбираться. Твое дело — простить.

**«Ничего ни о чем не загадывай, не торопись, не забегай вперед — все мнимость, все легко опрокидывается, отменяется и т.п.; научись жить по-новому, от ситуации к ситуации и как-то из них выбираться» (Вероника Долина).**

А я всегда именно так и живу: будет день — будет пища. От ситуации к ситуации. Что-то одно пройдет — начинается следующее... А потом опять какой-то рубеж — иногда маленький, иногда большой, но все равно впереди постоянно что-то маячит. Но далеко не загадываю и не заглядываю...

**«Люди, не имеющие цели или потерявшие её, особенно любят путешествовать. Внешняя динамика создает иллюзию приближения к цели» (Фазиль Искандер).**

У нас есть как раз такие знакомые, которые, точно, «особенно любят путешествовать». Не знаю, конечно, какие там у них иллюзии... Что касается меня, то я, видимо, просто нелюбопытный человек. За границей была три раза: в Израиле — 1,5 месяца в гостях, в Париже — 18 дней с группой художников, в Финляндии — неделю отдыхала в зимнем лесу — как-то предложили по случаю. Сама инициативы не проявила. Собственно — как всегда. Что касается цели... Текст до ума довести — это цель? Для меня больше процесс важен — и в писании моем, и когда в байдарочные походы ходили. Кстати, походы — это путешествия? Там ведь тоже процесс важен, а не цель — доплыть, например, до города Острова...

**У меня внутри есть мотор, который всю жизнь движет меня вперед. Это меня и спасает (Софи Лорен).**

Похоже, что подобный мотор есть и у меня. Что тоже меня спасает. +++

## ВОКРУГ ТВОРЧЕСТВА

Всякое искусство создается индивидуальностью.  
Индивидуальность — это все, чем обладает человек.  
*Эрнест Хемингуэй*

**«Нам суждено творить»**

**«Творчество — это всегда попытка сформулировать для себя что-то важное. Однако попытка эта никогда не удастся полностью: пока автор пытается разобраться в творчестве с тем, что для него важно, жизнь проходит мимо. Мысль банальная, но если она касается лично тебя, не такая уж и пустая».**

Первая фраза Дмитрия Трунченкова сомнений не вызывает, но вот дальше...

Я не думаю, что когда человек занят творчеством, жизнь проходит мимо. Наоборот — для многих это и есть (или была) сама жизнь. Например, для Феллини, который в своих фильмах тоже формулировал «для себя что-то важное», только не словами, а образами:

**«Меня критиковали за то, что я снимаю фильмы для собственного удовольствия. Эта причина основательна, потому что справедлива. Только так я и могу работать... У меня нет сомнений: в первую очередь вы должны удовлетворять себя; создавая нечто, что доставляет вам удовольствие, вы выкладываетесь полностью — лучше вам ничего не сделать».**

Когда мне взбрело в голову соединить две книжки своих «Лоскутков» в один «документальный роман», то я никак не думала, что он будет издан. Я делала это для себя и, действительно, с удовольствием возилась целый год, оставив в покое этот текст только тогда, когда увидела, что ничего ни добавить, ни убрать оттуда уже не могу. Лучше мне было уже не сделать. И так случилось, что «Дальний архив» получил грант и был издан. «У вас был очень хороший редактор», — услышала я по его поводу от издателя моей следующей книги. И я гордо ответила: «Спасибо за комплемент — у меня не было редактора». А все потому, что **«трудовой процесс, если он свободен, кончается творчеством» (Михаил Пришвин).**

Но, как справедливо сформулировал Игорь Калинаускас, **«быть свободным — это значит не иметь гарантий».**

А если целью «трудового процесса» являются деньги, то это уже несвобода. Вспоминая пушкинскую формулу «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать», художник Вадим Гусев восклицал:

**«Кушать! За искусство вообще брать деньги нельзя. “Пишу для себя” — вот главное, а уж потом — “продаю за деньги”».**

Ученый-биолог Борис Кузин, плохо справляясь с практическими житейскими невзгодами, уходил от них в свою биологию и утешался таким рассуждением:

**«Ни один стоящий человек не бывает особенно ловок в житейских делах. Именно отсутствие меркантильного интереса и позволяет человеку с головой уйти в науку или искусство».**

Фазиль Искандер эту мысль развернул, а затем оснастил примерами:

**«Чем сильнее человек — тем менее алчным становится его ум, тем меньше у него потребности...»**

**«Что ни говори, главный стимул к богатству — компенсация глупости... Для того, кто понял, что истинное богатство — это мысль, стремление к богатству — это ловля мух. Вот почему многие лучшие писатели советского времени — Ахматова, Платонов, Цветаева, Мандельштам — были нищими. Они не могли себе позволить ловить вместо мыслей мух, да еще идеологизированных».**

И практически то же самое сказано в книге американки Джулии Кэмерон:

**«Быть творческим человеком – значит отважно признаваться себе в том, что стремиться к деньгам, собственности, престижу кажется нам довольно глупым».**

Джулия Кэмерон — человек со сложной судьбой бывшей алкоголички. Она прошла трудный путь духовного возрождения и в попытке помочь другим написала, по сути, настоящий самоучитель для тех, кто хочет стать творческим человеком. Эта удивительная книга называется «Путь художника». Я навывисывала оттуда много цитат о творчестве — привожу их подряд:

**«Любой творческий человек, будь он артист, писатель, танцор, певец или просто наблюдатель, рассказывающий самому себе сказки обо всем увиденном, имеет право называть себя художником.**

**...У творческого человека может не быть шикарного дома, но будет сборник стихов, песня, фильм, пьеса.**

**...Творчество – кислород наших душ, перекрыв к нему доступ, мы начинаем “лезть на стену”.**

**...В определение творчества необходимо включить все, что мы раньше называли хобби. Хобби – неотъемлемая часть счастливой жизни.**

**...Нам суждено творить. Жизнь и была задумана как творческое свидание. Именно для этого нас и сотворили.**

**...Многие увлечения заставляют творческую половину мозга беспрерывно трудиться, и это влечет поразительные прорывы.**

**...Творец создал нас творческими людьми. Творчество – духовная практика.**

...Если у меня в голове возникло ненаписанное стихотворение, необходимо написать его во что бы то ни стало – я должен создавать то, что само хочет появиться на свет.

...Наше творческое начало – подарок, данный нам Богом. Пользуясь им, мы дарим в ответ».

Потому что «настоящий художник-творец — это посредник между Богом и людьми» (*Игорь Калинаускас*).

Задумывался об этом в своих дневниках и один из старейших наших писателей — Михаил Пришвин:

«Удивляешься большим художникам, как Репин, Суриков, — как они могли за короткую жизнь столько наработать? Загадка разрешается тем, что они не работали — ИМ ДАРОМ ДАВАЛОСЬ. И вот именно в истории культуры человечества весь труд пропадает бесследно и остается только то, что выходило ДАРОМ».

«Они не работали — им даром давалось». Кем давалось? Богом, конечно. И опять запись из дневника писателя:

«Всякое настоящее художественное произведение есть выражение той силы души человека, которой обладает всякий сознательный человек: “оно всех касается”».

Это относится к лучшей и очень мною любимой вещи самого Пришвина, которая поистине есть «выражение силы души» писателя. Вот что сказано о ней у Алексея Варламова, написавшего биографию Пришвина, биографию во многом трагическую:

«В своей лучшей книге “Жень-Шень” Пришвин нащупал главное свое сокровище: умение писать поэтические сказки со счастливым концом и побеждать радостью страдания».

Побеждать радостью страдания... Наверное, именно это ощущала находившаяся в ссылке дочь Марины Цветаевой Ариадна:

«Вы знаете, я все же нашла здесь “Корень жизни” (так вначале назывался “Жень-Шень”) и с наслаждением перечитываю. Какой Пришвин единственный в своем роде, особенный и очень-очень близкий. Спасибо хорошим писателям и поэтам за то, что они могут выразить все невыразимое, радующее и мучающее нас!»

(Из письма Ариадны Эфрон, написанного в Туруханске 28-го января 1952 года Елизавете Яковлевне Эфрон).

А Цветаева, кстати, о цели своего творчества высказалась так:

«Делаю ли я это ради потомков? — Нет. Скорее ради прояснения моего собственного понимания. И еще для осознания силы моей любви и, если угодно, моего дара».

И вот еще одна фраза великого Феллини:

«Настоящий ты художник или нет, связано не столько с теми оценками, которые приходят извне, сколько с тем, работаешь ли ты для собственного удовольствия, или стремишься угодить другим».

Очень близки к этому и рассуждения Имре Кертиса: «Писать я начал не из соображений целесообразности, а то, что я писал, никому не предназначалось. Если моя работа и имела какую-то цель, то она состояла в одном – быть верным с точки зрения языка и формы предмету творчества. Так для кого же пишет писатель? Ответ однозначен: для самого себя».

Итак, Цветаева — ради прояснения собственного понимания, Феллини — для собственного удовольствия, Кертис — для самого себя.

А для самого себя пишешь, естественно, не о ком-то, а именно о себе — о своем жизненном, душевном или духовном опыте: «Я не говорил бы так много о себе, если бы знал кого-нибудь другого так же хорошо, как знаю себя» (*Генри Торо*).

### **«Мы — то, что мы помним»**

На рубеже веков, через 25 лет после смерти крупного ученого-биолога Бориса Сергеевича Кузина был издан практически весь его архив — воспоминания, дневниковые записи и большое количество писем. Тексты Кузина, как ничьи другие, постоянно пересекались с какими-то моими мыслями, вопросами и не знаю с чем там еще, так что пока я читала этот объемный том, то постоянно что-то из него выписывала:

**«Я очень люблю средневековую легенду о жонглере, выразившем свое обожание Девы Марии метанием шариков перед её образом. Он был артист. Единственное, что у него было и в чем он достиг совершенства, было его мастерство. Этим он благодарил Бога за дарованное ему счастье приближаться к нему. Может быть, эту же благодарность выражаю и я, когда пишу с назначением “в ящик моего стола”».**

**У меня тоже нет ничего, кроме того, что я пережил и передумал. Из этого и состоит вся моя жизнь и весь её итог. И тем, что я пишу обо всем, что мне давало наивысшее счастье или что меня мучило, я, как могу, благодарю того, кто мне дал эту жизнь».**

Восемь цитат из книги Кузина уже вошли в мои книги в качестве эпиграфов, в том числе и последний абзац этого отрывка. Думаю, в нем заключен главный — пусть даже подсознательный — мотив любых воспоминаний, когда человек подводит итоги своей жизни.

Но посмотрите, что получается, когда вот тот же автор желание написать о себе начинает объяснять рационально:

**«Тут один мой приятель приступил ко мне с такими разговорами, что я-де не имею права не высказаться более или менее публично по вопросам, которые я обдумал... Ну, словом, этот приятель уговорил меня.**

**И все-таки я не знаю, зачем я за это дело принялся. Денег я за это сочинение не получу никаких. Даже, может быть, сам израсходуюсь... Славы тоже не приобрету. Значит, не тщеславие же руководит мною. А что руководит мухой, когда она откладывает яйца на какой-нибудь вонючий субстрат?**

**Ей, конечно, необходимо избавиться от созревших яиц. Но не из тщеславия ли муха хочет заполнить возможно больше места своим потомством. Пожалуй, что да. Тогда, читатель, ты можешь с полным правом думать, что и у меня не обошлось без тщеславия...**

Наверное, эти неспешные рассуждения с ассоциациями вокруг мушиных яиц для биолога естественны. Но Борис Сергеевич Кузин был не только крупным ученым, но и вообще личностью неординарной — это второй после Гумилева человек, с которым Осип Мандельштам был «на ты» — встретившись в 1930 году в Армении, они подружились самым тесным образом. Не случайно в книге Кузина опубликовано около 200 писем Надежды Мандельштам — для неё он навсегда остался одним из близких друзей.

А у Мандельштама есть стихи с посвящением «Б.С.Кузину», где он вспоминает, как после долгого пятилетнего молчания к нему вернулась способность к творчеству:

Когда я спал без облика и склада,  
Я дружбой был, как выстрелом разбужен...

Вероятно, написанное тогда же стихотворение «Ламарк» тоже возникло не без влияния своего друга и теоретика-ламаркиста. Кстати, Кузина и арестовали (1935) из-за

Мандельштама, который на допросе в НКВД назвал его имя среди тех, кому читал свое антисталинское стихотворение.

Сначала Кузин три года пробыл в лагере в Казахстане, а затем почти полтора десятка лет провел там же в ссылке, продолжая заниматься своей биологией. Долгая ссылка забавным образом отразилась в одном из его писем: «Мои дела обыкновенные, как немцы говорят, — говенлих...». Немцев там было много — в начале войны Республику немцев Поволжья ликвидировали, а ее население выслали в Казахстан. Отсюда такой местный жаргон.

При организации Института биологии внутренних вод в 1952 году всесильный Папанин (начальник первой дрейфующей станции «Северный полюс» в 1937 году) сумел вытребовать Кузина себе. Так что последние десятилетия жизни ученого прошли благополучно и плодотворно.

Следующий фрагмент продолжает рассуждения этого склонного к анализу теоретика, заодно что-то объясняя нам про самих себя:

**«Могу честно сказать, что не очень честолюбив. Но человеку свойственно желание оставить после смерти свой индивидуальный след. Человеку не хочется помирать без остатка. Вероятно, в основе этого нежелания лежит самое исконное для всего живого стремление к оставлению после себя потомства. Из этого стремления, общего всем организмам, всей жизни, у человека развилось желание вообще оставить после себя какой-то осязаемый след. Точно ты таким способом не совсем исчезаешь с лица земли и как-то продолжаешь существовать в этом мире. И это свойственно решительно всем. Только одним этого хочется очень сильно и сознательно, а другим слабее, и они почти этого желания не сознают».**

Борис Викторович Раушенбах — выдающийся ученый, академик, богослов и философ, и к тому же один из основателей космонавтики (тоже в свое время отсидевший свой срок) рассказать о прошедшем посчитал своей обязанностью и «засел за книгу, чтобы вспомнить всю свою жизнь, написать о ней, как и полагается на склоне лет каждому грамотному человеку».

Многие из тех, кто так же ответственно относился к своему прошлому, написали прекрасные книги: актриса Тамара Петкевич — «Жизнь — сапожок непарный», журналистка Евгения Гинзбург — «Крутой маршрут», физик Юрий Орлов — «Опасные мысли» — список можно продолжить.

Но и тем, у кого не было такой трагической или героической биографии, тоже хотелось вспомнить свое прошлое, чтобы осмыслить его. А иначе **«всё забудется, всё уйдет в прошлое...» (Александр Володин).**

А вот чтобы не всё забылось, «подготовку к небытию» надо вести заранее:

Тяга земная – тугая сума.  
В августе мухи слетают с ума  
в неописуемом страхе  
от приближающихся холодов.  
В августе тот, кто еще не готов,  
Спешно ведет подготовку  
К смерти, к ничтожеству, к небытию,  
Припоминая поденно свою  
Юность, и зрелость, и старость...  
(Максим Амелин)

Наверное, для такого «поденного припоминания» своей жизни бывает сразу несколько причин: подсознательное (или сознательное) желание оставить «осязаемый

след», жажда чем-то поделиться с людьми, потребность посмотреть на свою жизнь со стороны, что-то еще... Вероятно, и то чувство благодарности, о котором говорил Кузин — перечитайте его цитату в начале главы. Человеку порой трудно вычленил какие-то конкретные причины. Композитор Александр Журбин так и не смог определить, почему он взялся за перо: «просто чувствую», «просто вдруг захотелось»:

**«Пишу без особых литературных претензий и амбиций, без попыток продемонстрировать владение словом или стилем. Просто чувствую — мое время пришло. Половина жизни далеко позади. ...Просто вдруг захотелось кое-что вспомнить, и кое о чем порассуждать — и таким образом с этим распрощаться».**

Его талантливая бесхитростная проза оказалась очень близка мне и по стилю, и по мыслям, и по его отношению к действительности. Помню, как я обрадовалась, что мой любимый фильм «Кабаре» Журбин считает «фильмом всех времен и народов». Что-то в этом роде. Это полностью совпадает с моим отношением к этому шедевру, ибо помимо блестящей постановки (Боб Фосс), прекрасных актеров (Лайза Минелли, Майкл Йорк) и великолепной музыки (Джон Кандер) в фильме имеется и глубокое содержание. Каких только проблем там не затронуто! И фашизм, и антисемитизм, и «голубая» проблема, и отношение отцов и детей, и любовь, и творчество... Короче, Журбин — настолько «мой человек», что я готова подписаться под любой его цитатой. Хотя бы под этой:

**«Мне просто ужасно не хочется, чтобы написанные мною по разным поводам слова бесследно исчезли».**

Или под этой:

**«Эта книга, в отличие от первой — совсем другая. Может быть, более грустная. Или более спокойная. Если за всеми этими словами читатель разглядит душу автора, я буду счастлив».**

Или даже под такой:

**«Главное, что я сделал это, и что остался собой доволен. А признание, успех, слава, деньги — все это немаловажно, конечно, но — не самое главное. Без этого можно прожить. Нельзя прожить без покоя в собственной душе. Обрести этот покой можно, кажется, одним способом — продолжать делать то, что ты умеешь, то, что ты любишь так долго, как только это возможно».**

Именно этим я и занимаюсь вот уже больше десяти лет.

Тем более что «всякий имеет право писать свои воспоминания, потому что никто не обязан их читать» (*Александр Герцен*).

Всякий имеет на это право, но отнюдь не всякий готов этим правом воспользоваться — на такие усилия готовы немногие.

**«Странно думать, что столько народу проживает целую жизнь, не оставив о ней никаких соображений, никаких комментариев — ни словечка. Не то, чтобы эти комментарии и соображения были кому-то адресованы или имели какой-то смысл; но все-таки, мне кажется, лучше их написать. ...Вы должны оставить зримый след. А дальше положитесь на археологов — они все раскопают. Не исключено, что из этого ничего не выйдет — так часто бывает, но нужно, по крайней мере, раз в день повторять себе, что главное — сделать все, что в ваших силах» (*Мишель Уэльбек*).**

Главное, сделать все, что в наших силах, ибо, по мнению Ральфа Эмерсона, «у каждого человека есть материал на одну потрясающую биографию».

И к тому же, как остроумно замечено Георгием Ивановым, «перед тем, как замолчать, надо и поговорить».

О чем? Разумеется, о себе, о своей жизни. Известный венгерский писатель, Нобелевский лауреат Имре Кертис о начале своего писательского пути вспоминал:

**«Я понял, что если хочу удержать уходящего в прошлое самого себя и меняющиеся картины былого, я должен все воссоздать, опираясь на свою творческую память. Человек создан самое большее для того, чтобы помнить. И чтобы время от времени проверял верность своей памяти и ее незыблемость».**

А Юрий Олеша как-то сказал: **«Мне кажется, что единственное произведение, которое я могу написать как значительное, нужное людям, — книга о моей собственной жизни».**

«Ни дня без строчки» была собрана из его записей и издана уже после смерти писателя — в этой книге сохранилось время и, главное, люди в этом времени. Не случайно нынче самые востребованные книги — это non-fiction — не придуманные, т.е. документальные, чаще всего это биографии и автобиографии, воссоздающие «минувшие мгновенья жизни»:

**«Если сейчас я случайно нахожу какую-нибудь старую записку, театральную программку, пригласительный билет, то происходит нечто подобное тому, когда кто-то вдруг дунет в остывающий костер и из него вырвется яркое пламя и вмиг осветит в памяти минувшие мгновения жизни» (Виктор Розов).**

Именно это происходит в замечательном стихотворении Елены Елагиной.

#### ГЛАЖУ НОЧНЫЕ РУБАШКИ

Вещи у меня,  
в отличие от родных и друзей,  
патологические долгожители.

Эту, фланелевую рубашку,  
из оставшихся лишних пеленок —  
можете себе представить,  
когда это было! —  
сшила подруга Катя,  
которой давно уже нет на свете...  
Я её редко надеваю,  
только в самые сильные холода —  
слишком тёплая.  
А Катя мне часто снится.  
И каждый раз ей приходится объяснять,  
что с ней случилось:  
она забывает  
от одного сна до другого.

Эту, трикотажную,  
чиненную-перечиненную,  
но такую уютную,  
не то в зеленых бантиках,  
не то в бабочках,  
привезла из близкой тогда Эстонии  
подруга Таня,  
ныне живущая не то в Швеции,  
не то в Испании,  
не то в Голландии...  
Мы с ней поссорились.  
Наверное, навсегда.  
И я теперь не знаю её адреса.

Эта, новёхонькой, еще с биркой,  
осталась от мамы...  
Я давно в маминых размерах.  
И рубашка уже еле дышит.

Но ещё две — как с иголки! —  
лежат в мамином ящике.

Не ворох белья, а живой некрополь.

А европейцы, говорят,  
вообще не гладят нижнее бельё —  
экономят электричество.  
(Елена Елагина)

**«Мне кажется, нет большего чуда, чем время с его необратимостью и производное от времени – память. Она нам дана, и вопрос не в том, кем дана, а зачем мы получили этот таинственный дар. Ведь память превращает необратимое время в наш внутренний мир» (Надежда Мандельштам).**

Благодаря памяти верной подруги Осипа Мандельштама и ее двухтомному труду мы можем прикоснуться к личности поэта и его трагической судьбе; с исчезновением памяти исчезает не только наше окружение, исчезает сама жизнь, исчезаем мы сами, ибо, как справедливо сказал испанский писатель Мануэль Ривас, **«мы — то, что мы помним».**

**«Память — преодоление времени, преодоление смерти»,** — добавляет к этому лапидарному определению Дмитрий Сергеевич Лихачев.

**«Надо ли вспоминать? Бог ты мой, спрашивать об этом так же глупо, как: надо ли жить? Ведь вспоминать и жить — это цельно, слитно, неуничтожимо одно без другого и составляет вместе некий глагол, которому названия нет».**

Даже Юрий Трифонов не мог найти *этому* название. А Александр Белинский утверждает, что необходимо не только вспоминать, но и записывать:

**«Я верю словам Михаила Булгакова — «Рукописи не горят». И я не мог не написать эту книгу. Вспоминать необходимо, и именно на бумаге, потому что, повторяю — рукописи не горят».**

Да, вспоминать необходимо, но прошлое, живущее где-то в глубине наших душ, не всегда подчиняется человеческой воле, капризную природу воспоминаний отмечал Израиль Меттер:

**«Воспоминания неуправляемы. Притаившись до времени, они живут в человеке навалом, вразброс и внезапно обрушиваются на него вне всякой последовательности и вне связи с тем, что окружает его сегодня».**

Воспоминания обрушиваются, но при переносе на бумагу их приходится контролировать: **«Конечно, я не собираюсь выкладывать все. Все рассказывать нельзя. Кое о чем умолчу, кое-что утаю»,** — это Журбин.

А Юлий Ким то же самое зарифмовал:

Но кой чего я вам не сообщу.  
Часть — оттого, что стыдно,  
Часть — оттого, что будет вам обидно,  
Чего я очень не хочу.  
(Юлий Ким)

И даже Рина Зеленая в начале своей книги предупреждала:

**«Уж не такой-то я простак, чтобы все о себе так и выложить, как на ладони. Сейчас модно говорить правду — ну уж от меня, читатель, ты этого не дождешься».**

Да так и не бывает — как на ладони... Иногда в чем-то трудно признаться даже самой себе... Как говорил Николай Пунин, **«у каждого есть свои бездночки».**

Разумеется, есть они и у женщин. Хотя, как вы сейчас увидите, женщины говорят о своем прошлом совершенно иначе — лирично и благодарно, хотя и несколько многословно:

**«Мне хочется наугад запустить руку в собственное прошлое и выудить оттуда пригоршню воспоминаний. Воспоминания — одна из наград, которую приносит возраст, и при этом награда сладостная. Думаю, воспоминания, какими бы незначительными они ни казались, как раз и высвечивают внутреннюю человеческую суть. Насладиться радостями памяти — не спеша писать время от времени несколько страниц — вот что я собираюсь делать. Задача, на решение которой, скорее всего, уйдут годы. Но почему ЗАДАЧА? Это не задача, а прихоть, потворство своему желанию» (Агата Кристи).**

И англичанка Агата Кристи, и наша Нина Берберова относятся к прошедшей жизни, по сути, одинаково: одна говорит о *радостях памяти*, вторая — о *драгоценных ключьях прошлого*.

**«У каждого человека есть свои тайные, чудесные воспоминания... Какие-то особенно драгоценные ключья прошлого.. Мы знаем, что от этого воспоминания в реальной жизни не осталось ничего: молодые или старые его участники либо умерли, либо неузнаваемо изменились, сам дом сгорел, сад вырублен, местность трижды переменила название, может быть на том месте разросся дремучий лес или, наоборот, — сделали новое море. Мы с этим своим воспоминанием совершенно одни на свете, с ним наедине, мы с ним с глазу на глаз...» (Нина Берберова).**

Замечательные автобиографии обеих, на мой взгляд, лучшее из всего того, что они написали — несмотря на мсье Пуаро, миссис Марпл и «Железную женщину»...

Но, надо признаться, мужской ум все же более логичен и рационален, и неким резюме к сказанному ранее по поводу воспоминаний можно считать пассаж Юрия Анненкова:

**«Единственный груз, который начинает нас тяготить — это груз воспоминаний. Когда воспоминания становятся слишком обременительными, мы сбрасываем их по дороге, где придется и сколько удастся. Однако, бывают воспоминания, которые не только внешне отлагаются на поверхности нашей памяти, загромождая ее, но органически дополняют и обогащают нашу личную жизнь. Их мы не отдаем и не отбрасываем, мы только делимся ими».**

Художника Юрия Анненкова, запечатлевшего в своих работах целую галерею людей Серебряного века, полагаю, все знают по знаменитому портрету Ахматовой и не менее знаменитым иллюстрациям к первому изданию «Двенадцати» Блока. Так же щедро поделился он с нами и своими воспоминаниями. К его двухтомному «Дневнику моих встреч» — как, впрочем, и к другим подобным мемуарам — вполне можно отнести высказывание «московского Сократа» — философа Николая Федорова:

**«В случае смерти автора на книгу должно смотреть как на останки, от сохранения которых как бы зависит самое возвращение к жизни автора».**

Во всяком случае, «в случае смерти автора» воспоминания всегда продлевают его виртуальное существование. А под конец этого затянувшегося сюжета пожалуйсь на собственную память словами Патрика Зюскинда:

**«Мне, например, все труднее держаться темы и кратко формулировать те или иные мысли, а рассказывая истории, вроде этой, приходится чертовски внимательно следить за собой, чтобы не потерять нить, иначе я начну перескакивать с пятого на десятое и в конце концов вообще забуду, с чего начал».**

### Путь к свободе

В одном из журналов я наткнулась на строчки русско-американской писательницы Кати Капович, которые тут же записала:

**«Я поняла, что единственный путь к свободе: полюбить, запомнить, описать. Это единственная форма частной собственности, которую признают, не ссорясь, философ и поэт, Аристотель и Мандельштам. Только тогда все это станет моим и уже никто у меня не сможет отнять тебя, моя любовь, и той вороны, патрулирующей пустырь».**

Если большинство цитат я выписывала, потому что узнавала в них свои мысли, то эту — от удивления. Потому что я перекладывала на бумагу нечто, чтобы от него освободиться, а Катя Капович — чтобы присвоить. Путь к собственной свободе у нас шел с разных сторон: мне было необходимо *понять и принять*, а ей — *полюбить и запомнить*. И в результате своих усилий мы обе стали свободны. Она — от посягательств на свою «частную собственность», я — от груза своего прошлого.

Про нее не знаю, а я стала свободной далеко не сразу.

К середине девяностых годов стихов у меня уже не было, но имевшийся опыт переложения на бумагу своих проблем заставил меня сесть за пишущую машинку. Стопка машинописных листов стала потихоньку расти, но когда я проговорила все, что требовало выхода, дело затормозилось.

К тому времени у меня уже зрела глобальная идея — сохранить наш семейный архив. Но все эти мысли не обретали конкретной формы — я не представляла, как за это приняться. Но подсознание, видимо, работало, и однажды как-то неожиданно возникли стихи, в которых прозвучало главное на тот момент слово — «Лоскутки»:

На дне души все по соседству:  
 Линялые обрывки детства,  
 Клочки разорванных основ,  
 Пригоршни слов, лоскутья снов...  
 Всё в глубине лежит навалом.  
 Извлечь? разгладить? разложить?  
 Цветным лоскутным одеялом  
 Себя и душу ублажить?  
 Пускай меня под старость греет!  
 А на душе всегда светлеет,  
 Когда почистишь закутки;  
 Мои бывшие заморочки  
 Войдут в отдельные кусочки  
 С названьем легким — «Лоскутки».  
 Расположу их без системы —  
 Любое время, место, темы...  
 И если выйдет по плечу —  
 Всю жизнь свою перестрочу!

И эти «Лоскутки» буквально потребовали у меня срочно ими заняться.

Я и занялась. Несмотря на то, что самый трудный период частично уже был сброшен в стопку машинописи, мне снова пришлось анализировать давнюю ситуацию в попытке её *понять*, а своею реакцию — в попытке найти ей альтернативу. Естественно, оставаться спокойной при этом не удавалось. Но постепенно мое прошлое превращалось в слова и фразы — в текст, с которым я просто работала, вовсе отключаясь от эмоций и переживаний. Ибо, как справедливо сказал Юрий Коваль, **«в ненаписанном есть жизнь. Ненаписанное — это еще не пережитое окончательно».**

А Виктор Шкловский учил, что вообще **«ненаписанное — не существует».**

То и другое абсолютно точно. Я радуюсь, что мое (наше) прошлое превратилось в книги, что оно кого-то волнует и трогает. Радуюсь, но всякий раз удивляюсь — что? почему? покажите, где именно? — ибо теперь для меня это только текст — текст с уже

окончательно пережитым. Мне кажется, душа становится свободной, потому что при перекладывании проблем на бумагу эмоции поглощаются поисками решения формальных задач. В стихах, как минимум, необходимо соблюдать размер и рифму, а проза, как ни странно, требует внимания еще большего.

Впрочем, работа с текстом начинается уже позже, когда стихотворение каким-то непонятным образом в сознании возникло и уже записано. И тогда выясняется, что его еще необходимо править, убирать огрехи и доводить до кондиции.

С прозой происходит то же самое.

**«Оказалось, что проза растет из того же “сора”, что и стихи, не поддаваясь запретам или понуканиям», — Владимир Рецептер** понял это по собственному опыту. И так же, как в стихах, мысль порою уводит в сторону, и так же иногда вдруг застреваешь, без конца переделывая какой-то кусок и нерасчетливо тратя время. Зачем? Кто заставляет? Кому это надо?! Неизвестно. **«Вам никогда не будет ясна та часть вас самих, которая побуждает вас писать» (Мишель Уэльбек).**

Но предварительно, как считала Лидия Гинзбург, необходимо получить определенный душевный опыт: **«Человек не может начать писать, не накопив известного запаса горечи. Вовсе не обязательно указывать ее источники, обязательно приобрести (потому что выдумать ее нельзя) интонацию подразумеваемой печали».**

Думаю, я никогда не стала бы писать, если бы со мной не случилось того, что случилось, и в душе не образовался бы тот самый «запас горечи», который нужно было куда-то избыть. Вот и Сергей Довлатов о том же: **«Писание — любое, успешное, неуспешное — один из немногих способов преодоления душевного горя».**

Именно по этой причине появились у меня те машинописные страницы, с которых начались мои «Лоскутки», еще через сколько-то лет превратившиеся в книги.

Кстати, я готова повторить следом за Еленой Боннэр: **«Я не собиралась писать эту книгу. Я вообще не знала, что это будет книга. А теперь передо мной лежит рукопись, толстая. Она уже живет сама по себе, как всякая, в конце которой автор поставил точку. Зачем я написала вам это письмо, дорогие мои доченьки и сынок? На память, чтобы самой не забыть, чтобы вам знать, и потому, что с годами появляется чувство необходимости знать, откуда ты».**

Но вот на вопрос «зачем я написала» ответила бы иначе, хотя сама про свои первые ксероксные книжки тоже говорила: «Три книжки — для трех внуков». Надо же было как-то оправдаться перед собой и друзьями за столь нерационально потраченное время! А на самом деле мне было необходимо что-то в себе преодолеть, как-то разобраться со своей душой. Именно внутренняя необходимость проговорить какие-то проблемы приводит к тому, что **«человек садится за письменный стол, берет перо. И начинается странный — если вдуматься — процесс. Какой-то участок еще бесформенного бытия отщепляется, высвобождается и с помощью с усилием подбираемых слов становится значащей формой, произведением, вещью» (Лидия Гинзбург).**

Обычно пишущего увлекает то, чем он занят, и тогда предмет его трудов становится «значащей формой», потому что **«единственная цель произведения искусства во время его совершения — это завершение его» (Марина Цветаева).**

А вот когда оно уже завершено... **«В каждом пишущем человеке естественна потребность показать написанное другому, поделиться своим творчеством, услышать мнение и оценки» (Геннадий Трифонов).**

Всякие литературные и другие объединения и группы потому и возникали, что творческому человеку необходима среда. А если читателя или слушателя нет, тогда приходится писать самому себе: **«Я начал вести дневник — в молодости это верный признак тоски, грусти и скуки» (Петр Горелик).**

Писатель Марк Харитонов свои дневники, которые вел много лет, сопровождал таким комментарием:

**«Что я могу ответить судящим мою “Стенографию”? Это не написанная мною книга, это фрагменты прожитой однажды жизни, какая была. Отменить, переделать уже ничего нельзя, редактирование было бы ложью. В мемуарах я сумел бы позаботиться о большей взвешенности суждений — с высоты нового возраста, нажитого понимания; в дневниках я бываю несправедлив. Уже не исправишь. Разве что сделать побольше купюр».**

В том-то и ценность дневников, что в них запечатлены фрагменты подлинной жизни, никакие мемуары их не заменят. Жаль, что нынче эта культура почти исчезла, молодежь если и пишет, то на клавиатуре — в ЖЖ или в блоги, а не ручкой в тетради. А когда-то это был широкий пласт дворянской культуры, дневники вели многие. Но в советские времена это занятие стало опасным, а во время войны так даже запрещенным, во всяком случае, для военнослужащих. Но и много позже, в 1980 году известного поэта Льва Друскина, инвалида, с детства прикованного к постели, не постеснялись выгнать из страны именно за то, что в своих дневниках он что-то не так написал, причем даже не о советской власти, а о своих братьях-писателях. КГБ устроило у него обыск под видом поиска наркотиков, во время которого забрали изданные за рубежом книги и его личный дневник. Кончилось тем, что автора не только исключили из Союза писателей, но даже лишили медицинской помощи, запретив литфондовскому врачу его навещать. В общем, читайте «Спасенную книгу» Друскина, она вышла у нас в 1993 году — впечатлитесь.

Стихи Друскина тоже ходили в самиздате — не потому, что антисоветские, а просто потому, что не были напечатаны. Одно из них посвящено молодому Александру Кушнеру, которого мы все очень тогда любили:

Был приход поэта странен.  
Он вошел, смиряя шаг,  
Пряча крылья за плечами  
Под потрепанный пиджак.  
Он сидел обыкновенный  
(Я-то знал, кто он такой),  
Лишь мелькал огонь мгновенный,  
Как зарницы над рекой.  
Зарывались мысли наши  
В слой словесной шелухи.  
И тогда сказал я: «Саша,  
Почитали бы стихи».  
В запрокинутом затылке  
И в широком жесте — взрыв,  
Дух рванулся из бутылки,  
Заклинанье подхватив.  
Он стоял в красе и в силе,  
И знаком, и незнаком,  
И тревожно бились крылья  
Под высоким потолком.  
(Лев Друскин)

Но возвращаюсь к брошенной теме.

В записях 56-летнего Николая Николаевича Пунина имеется перечень причин того, почему люди начинают писать дневники:

**«Дневники пишутся: либо из тщеславного желания, чтобы кто-то в потомстве их прочел; либо из желания показать их кому-то поблизости (свидетелю?); либо**

оттого, что не с кем поговорить; либо для того, чтобы оформить, и, следовательно, уяснить для самого себя свои смутные чувства-мысли; либо от графомании и безделья. Я пишу, вероятно, по всем пяти причинам сразу».

Основной причиной мне кажется третья по счету — «оттого, что не с кем поговорить». Тогда не только дневники пишутся, но даже целые книги:

**«Мы пишем книги, потому что наши дети не интересуются нами. Мы обращаемся к анонимному миру, потому что наша жена затыкает уши, когда мы разговариваем с ней. Каждый человек страдает при мысли, что он исчезнет с равнодушной вселенной неслышанным и незамеченным, а посему сам хочет вовремя превратиться во вселенную слов» (Милан Кундера).**

И если эта «вселенная слов» выразит то, что автора действительно волнует, то он будет услышан — ведь не зря Лев Толстой говорил, что «**писатель никогда не должен писать о том, что ему самому неинтересно**».

А зачем тогда и писать, если самому неинтересно? И я с самого начала словно бы следовала совету Льва Николаевича Толстого: **«Пишите то, что самое задушевное. Трудно узнать, что самое задушевное, скажут. Это правда, но есть приемы узнать. Во-первых, это то, про что никому не рассказываешь, во-вторых, то, что всегда откладываешь. ...Нужно только одно – не лгать».**

А Иван Александрович Гончаров, автор трех романов на «О» (надеюсь, все помнят, каких именно?) объяснил, почему делать этого не следует: **«Талант имеет то драгоценное свойство, что он не может лгать, искажать истину; художник перестает быть художником, как скоро он станет защищать софизм, а еще менее, если он вздумает изображать сознательно ложь».**

В советской литературе есть выразительные примеры того, как талант вдруг исчезал, когда писатель начинал писать тенденциозно. Не хочется называть эти известные имена.

А Толстой всем пишущим дал еще один замечательный наказ:

**«Перечитывая и поправляя сочинение, не думать о том, что нужно прибавить (как бы хороши ни были приходящие мысли), а думать о том, как бы выкинуть из него как можно больше, не нарушая мысли сочинения (как бы ни были хороши эти лишние места)».**

Это мое любимое занятие — «отжимать» текст, убирая лишние слова, фразы и целые абзацы. По этому поводу даже получила похвалу от нашего самого строгого питерского критика, который про «Дальний архив» сказал, что это «хорошая *плотная* проза». А так как от разных других читателей я слышала всякие слова насчет свободного стиля, хорошего слога и легкого пера, то бесстрашно (или нахально?) отношу серию «литературных цитат» и к себе тоже:

**«Словесность, замкнутая на себе, сохраняет то, что не поддается подделке – неповторимый, как почерк, голос автора» (Александр Генис).**

**«Стиль всякого писателя так тесно связан с содержанием его души, что опытный глаз может увидеть душу по стилю, путем изучения форм проникнуть до глубины содержания» (Александр Блок).**

**«Я знаю, есть люди, которым близко то, что я пишу, но это не потому, что я пишу хорошо, а потому, что я пишу про то, чем и они живут» (Александр Володин).**

**«Книгу читать интересно, как все мемуарное, но не залитературенное» (Павел Басинский).**

Насчет последнего — надеюсь, а то, что все остальные авторы Александрями оказались, то уж тут я не виновата. +++

## О ВРЕМЕНАХ И ПРАВАХ

Времена не выбирают,  
В них живут и умирают...  
*Александр Кушнер*

### В стихах и прозе

В главу о временах, выпавших нам и поколению наших родителей, вошли цитаты и выписки, появившиеся, в основном, уже в перестроечные годы и оставленные мною в качестве информации или «на память». Они перемежаются стихами из ежегодного альманаха «День поэзии» за 1989 год и, поскольку номер готовился вскоре после отмены цензуры, там оказалось много стихов, ранее в печати невозможных. Частично закрывая лакуны между цитатами, они дополняют впечатление о «нашем прекрасном прошлом». Эти стихи помечены начальными буквами альманаха – «Д.П.», а весь материал, хотя и очень пунктирно, расположен по приблизительной хронологии тех лет, по поводу которых написан.

Но начну я с ходившей в самиздате сатирической баллады Наума Коржавина. Надо сказать, именно Коржавин первым в нашей литературе нарушил «рубеж запретной зоны», проговаривая в стихах все, что думал, еще в студенческие времена. Так что ничего удивительного, что в 1947 году Эмку Манделя с третьего курса Литературного института забрали на Лубянку. К счастью, он выжил, стал Наумом Коржавиным и уже много лет живет в Америке.

### БАЛЛАДА ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ НЕДОСЫПЕ

Любовь к Добру разбредила сердце им,  
А Герцен спал, не ведая про зло...  
Но декабристы разбудили Герцена.  
Он не доспал. Отсюда все пошло.

И, ошалеv от их поступка дерзкого,  
Он тут же поднял в «Колокол» трезвон,  
И разбудил случайно Чернышевского,  
Не зная сам, чего наделал он.

А тот со сна, имея нервы слабые,  
Стал к топору Россию призывать,  
Чем потревожил крепкий сон Желябова,  
А тот Перовской не дал всласть поспать.

И захотелось тут же с кем-то драться им,  
Идти в народ и не страшиться дыб.  
Так началась в России конспирация:  
Большое дело — долгий недосып.

Царь был убит, но мир не зажил заново —  
Желябов пал, уснул несладким сном.  
Но перед этим разбудил Плеханова,  
Чтоб тот пошел совсем другим путем.

Все обойтись могло с теченьем времени.  
В порядок мог улечься русский быт...  
Какая сука разбудила Ленина?

Кому мешало, что ребенок спит?

На тот вопрос ответа нету точного,  
Который год мы ищем зря его...  
Три составные части — три источника  
Не проясняют здесь нам ничего.

Да он и сам не знал, пожалуй, этого,  
Хоть мести в нем запас не иссякал.  
Хоть тот вопрос научно он исследовал, —  
Лет пятьдесят виновного искал

То в «Бунде», то в кадетях... Не найдутся ли  
Хоть там следы. От неудачи зол,  
Он сразу всем устроил революцию,  
Чтоб ни один от кары не ушел.

И гордо шли на плаху под знаменами  
Отцы за наше светлое житье!  
Пусть нам простятся рожи полусонные,  
Мы дети тех, кто не доспал свое.

Мы спать хотим и никуда не деться нам  
От жажды снов и жажды всех судить...  
Ах, декабристы, зря будили Герцена —  
Нельзя в России никого будить!  
*(Наум Коржавин)*

Кстати, именно Александру Герцену принадлежит фраза, которая осталась живой и по сей день:

**«Как ни странно, но опыт показывает, что народам легче переносить насильственное бремя рабства, чем неожиданный дар свободы».**

А Фазиль Искандер, отметив первые шаги Ленина в строительстве «светлого будущего» нашей страны, немного рассказал и о дальнейших действиях его последователей:

**«Идеальное государство по Платону: философы управляют государством. Ленин, начав строить свое идеальное государство, первым делом выслал всех философов...»**

В начале тридцатых на сходке в абхазской деревне выступал предсовнаркома Абхазии Нестор Лакоба. Он говорил примерно так: «На нас идет колхозная чума, но мы должны покориться ей. Даже великий русский народ покорился ей. А мы маленький народ. Если мы не покоримся, нас сметут с лица земли...» ...В 36 году в Тбилиси он в ЦК Грузии сильно повздорил с Лаврентием Берия. В знак примирения Берия заманил его к себе в дом и заставил выпить бокал отравленного вина. Лакоба умер.

В воронежских тетрадях у Мандельштама:

Здорово ли вино? Здоровы ли меха?

Здорово ли в крови Колхиды колыханье?

Кажется, поэт улавливает импульсы ужаса, идущие из Абхазии, при этом чувствует, что ужас начинается с нездорового, т.е. отравленного вина...»

Интересно, знал ли Искандер, как этот феномен объяснял Лев Толстой: **«В том-то и сила поэта, что он видит без опыта, видит духовным опытом».**

Еще несколько абзацев из Искандера:

**«Как-то само собой разумеется, что слону труднее выжить, чем мышке.**

**Главное условия выживания – не бросаться в глаза.**

**Я: Справедливо то, что не допускает крови.**

**Он: Справедливо то, что справедливо.**

**Я: Мне плевать на справедливость, которая допускает кровь».**

### КРОВЬ

Боже, сколько крови!

Ручьи,

Реки,

Беломоро-Балтийские каналы,

Цимлянские моря

Понапрасну пролитой крови...

Господи,

Да неужто это

От одного больного гемофилией ребенка?!

*(Виктор Максимов — «Д.П.»)*

Да уж, в количестве «понапрасну пролитой крови» собственного народа соперничать с нами не может никто. Как нам не хватает такого человека, как Альберт Швейцер! В основе его философии лежит простая мысль: все, что полезно для Жизни (любой), то нравственно. Если бы этим положением проверялись государственные решения, то крови на земле было бы гораздо меньше. И у нас, разумеется, тоже. В особенности у нас...

**«Бутовский полигон – под Москвой. С августа 1937 по октябрь 1938 года здесь расстреляно и сброшено в общие рвы 20.725 человек – их имена помещены в семи книгах мартиролога».**

Все-таки до того, как архивы снова закрылись, мы что-то узнать успели. Хотя не все, далеко не все...

### ТВОЙ СОСЕД ПО ПАЛАТЕ

*Отцу*

Не представляю его молодым, в галифе с защипами,

во френче глухом, перетянутом портупеей...

На цыпленка бройлерного похож — ощипанной

головой, глазами тусклыми, дряблой шеей.

И каждое утро: «Вы мои челюсти не видали?..

Благодарствую», — говорит, на сестричку смотрит растроганно.

В знак особого расположения показывает медали,

И осуждает строго порядки режима нестрогого:

Вот ведь и курят, и пьют, и анекдоты травят такие,

Хоть сейчас к стенке ставь. И, улыбаясь мечтательно:

«Эх, недостреляли маленько! А были ребята лихие

В системе нашей — работали замечательно!»

Ну да! — вагоны битком набитые, бараки вшивые,  
 Закрытые зоны — на полстраны лепрозорий...  
 Неужели такие вот старикашки плешивые  
 И виноваты в нашем страхе, в нашем позоре?

Неужели уже черту подвели, все подытожили:  
 Грехи отпустили, не отмерили по справедливости?..  
 И чего же я слушаю, уши развесил? Ах, что же я  
 Не чувствую ничего: ни ненависти, ни брезгливости!..

*(Александр Фролов — «Д.П.»)*

**«Узники тоталитарного режима в камере смертников переоценивали свою жизнь. Общая вина – поставили интересы “человечества” выше отдельного человека, подчинили мораль соображениям политической выгоды и целью оправдывали средства. Теперь делу понадобились их жизни, и они обречены умереть от рук людей, исповедующих общие с ними принципы...»** *(Артур Кестлер).*

#### КАРЬЕР

О время,  
 Сделай в памяти провал.  
 Я вновь карьер и псов у вышек вижу.  
 Карьер, в котором бут я добывал  
 И погибал  
 И только чудом выжил.  
 Я шел к нему со стражей по бокам,  
 И там в мороз,  
 На дне того карьера,  
 Я, не молясь уж никаким богам,  
 Все — и надежду потерял и веру.  
 Лишь бог любви,  
 Всесильный, властный бог,  
 Приподнимал меня,  
 Когда я падал.  
 Он жизнь  
 И душу мне сберечь помог  
 И там,  
 На том последнем круге ада.  
 В его призывах был такой накал,  
 Что я вставал,  
 Снежинки ртом хватая...  
 О время!  
 Сделай в памяти провал...  
 Ночь за окном...  
 Тишь...  
 Благодать какая!

*(Виктор Крутецкий — «Д.П.»)*

В альманахе есть еще одна мрачная картинка лагерной жизни, в середине сменившаяся строфами типа «Пусть Вам сладко спится, дорогая, в городской ночи». Так что оставляю ровно половину.

В час, когда Вам снится самый сладкий

Предрассветный сон,  
Выгоняют палкой из палатки  
Тех, кто заключен.

Мы идем с лопатами, с кирками  
Шествием теней,  
Железнодорожными путями  
К насыпи своей.

Крупный дождь сечет нам злобно спины,  
Бьют в лицо кусты,  
А к подошвам липнут мокрой глины  
Скользкие пласты.

И в грязи болотной по колено,  
Пока ночь придет,  
Роем мы, и насыпь постепенно —  
Желтая — растет.

...

Труден лагерь северного края...  
Даже в страшном сне  
Пусть Вам не приснится, дорогая,  
Что сбылось мне!

*(Игорь Михайлов — «Д.П.»)*

Любопытно, как суровая действительность подневольного труда не позволила автору описывать ее в той же интонации сентиментального лагерного романа, как остальные пять строф, оставшиеся за кадром.

**«Помню, тогда все повторяли чью-то (кажется, Лины Штерн) замечательную реплику. Когда кто-то при ней сказал, что наш союз с Гитлером — это брак по расчету, она якобы ответила: Да, но от браков по расчету тоже бывают дети».**

Увы — «дети» появились со всеми вытекающими... Вот какие глобальные планы имелись у гитлеровского руководства насчет населения нашей страны — отнюдь не только по поводу цыган и евреев.

**«В недалеком будущем мы оккупируем территории с весьма высоким % славянского населения, от которого нам не удастся так скоро отделаться. ...Мы обязаны истреблять население, это входит в нашу миссию охраны германского населения. ...Нам придется развить технику уничтожения населения. Я имею в виду уничтожение целых расовых единиц. ...Если я посылаю цвет германской нации в пекло войны без малейшей жалости проливать драгоценную немецкую кровь, то, без сомнения, я имею право уничтожить миллионы людей низшей расы. ...Одна из основных задач во все времена будет заключаться в предотвращении развития славянских рас. Естественные инстинкты всех живых существ подсказывают нам не только побеждать своих врагов, но и уничтожать их».**

**Уничтожение целых народов и, прежде всего, славян — такова генеральная программа Гитлера. Истребление шести миллионов евреев — всего лишь лаборатория, где немцы набивали руку, накапливали опыт» (Из книги Анатолия Рыбакова «Роман-воспоминание»).**

У фашистов, слава Богу, не получилось, но у нас было свое руководство, с энтузиазмом уничтожавшее уже не чужой народ, а свой собственный. Репрессии

продолжались и во время войны, шли даже в блокадном Ленинграде, и закончились только со смертью любимого вождя народов.

Пришли ночные страхи в наш беспокойный дом.  
 Беда тогда врывалась дверным ночным звонком.  
 Скулила наша кошка, предчувствуя беду,  
 Торчали под окошком у всех нас на виду  
 Две четкие фигуры — едва отец шагнет  
 За дверь — они, как тени, снимались вслед за ним.  
 Такое было время — судьбу в дугу согнет,  
 В муку ли перемелет, развеет, словно дым.  
 Любимый вождь народа был тверд, неумолим.  
 Всего три года было отпущено ему,  
 Но четко, как и прежде, он созидал тюрьму.  
 Пришли ночные страхи, ворвался тот звонок,  
 Как будто оборвался затянутый шнурок.  
 Мешок надежды рухнул. Мне шел десятый год.  
 О, как метались тени по дому взад-вперед!  
 И лестницы ступени обуглились в огне.  
 Отцу ломали руки, рыдали мать и брат,  
 Отец кричал: «Уж лучше б погиб я на войне!»  
 Я видела: ступени горят, горят, горят...

*(Наталия Карпова — «Д.П.»)*

Поэтесса Наталия Карпова трагически погибла в феврале 1995 года — какие-то подонки убили ее прямо в центре города, на улице Пестеля, когда она направлялась на утреннюю службу в Спасо-Преображенскую церковь. По году рождения я поняла, что ее отца забрали в 1949 году. Люди еще не успели после войны толком придти в себя, как в конце сороковых началась «борьба с космополитами», а следом возникло так называемое Ленинградское дело. По сведению энциклопедического справочника 1992 года, по этому делу более двух сотен партийных и советских работников Ленинграда получили длительные тюремные сроки или были расстреляны, а счет потерявших работу шел на тысячи.

Борьба с космополитами, как для приличия назывались гонения на евреев, перешла в активную фазу в январе 1948 года, когда под видом автомобильной катастрофы был убит выдающийся еврейский актер и известный в мире крупный общественный деятель Соломон Михоэлс. Его смерть развязала Сталину руки: сразу по всей стране началась кампания по обвинению евреев в «космополитизме», причем в первую очередь увольнялись лица творческих профессий и те, кто находился на «идеологических постах».

Поэтя Карпа — критика, переводчика и публициста — это касалось впрямую.

Надежды нет, и ждать не надо,  
 И даже сетовать не след.  
 К тебе поднять не может взгляда  
 Вертящий радио сосед.

Опять молчание, и снова  
 Смычки взрезают груз обид,  
 Журчит кларнетом глас былого,  
 Фагот напраслину сулит.

И ты, наскучив жить по нотам,

Решишься вдруг в ночной тиши  
Доверить лестничным пролетам  
Бессмертие своей души.  
(Поэль Карп — «Д.П.»)

«Борьба с космополитами» с каждым годом набирала силу и наконец добралась до образованного во время войны (причем по инициативе НКВД) Еврейского антифашистского комитета, собравшего тогда по всему миру громадные деньги для борьбы с врагом.

**«13 марта 1952 года принято секретное постановление начать следствие всех лиц еврейского происхождения, чьи имена назывались на допросах по делу Еврейского антифашистского комитета.»**

**8 мая началось закрытое судебное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР по делу ЕАК. Еврейские писатели Перец Маркиш, Лев Квитко, Давид Бергельсон, актер Вениамин Зускин, академик Лина Штерн...**

**18 июля всем (кроме Л.С.Штерн — говорили, что Сталин сохранил ей жизнь, думая, что она владеет секретом долголетия) вынесен смертный приговор. Приведен в исполнение 12 августа 1952 года».**

Не прошло и полгода после уничтожения писателей и деятелей еврейской культуры, как началось пресловутое «дело врачей», которое в значительной степени должно было довершить дело, начатое Гитлером. Но сорвалось — 4 марта по радио сообщили о том, что у вождя «дыхание Чейн-Стокса». Для людей, знакомых с медициной, это означало одно — палач умирает, и Елена Тагер — «бестужевка, прозаик, поэт, переводчик» и лагерница с 18-летним стажем — на это сообщение сразу же откликнулась стихами. Это была спонтанная реакция даже не на смерть, а на умирание вурдалака, упившегося кровью собственного народа:

И он умирает, как всякий другой.  
Часы прозвенели: «Сегодня!»  
Он будет лежать распростертый, нагой,  
Суда ожидая Господня.

Его гениальность растает как дым  
Под взором иных поколений —  
И страшным парадом пройдут перед ним  
Друзей оклеветанных тени.

(Елена Тагер — «Д.П.»)

В 1956 году после доклада Хрущева на XX съезде, приоткрывшем правду о сталинском произволе и громадном количестве лагерей, где миллионы людских судеб перемалывались в «лагерную пыль», многие были в шоке. Даже те, кто что-то знал, не представляли масштабов происходящего. Но многие и не хотели знать этой страшной правды.

#### ОБ ЭТОМ

Товарищ по работе мне сказал:  
«Не надо об этом,  
Я не хочу потерять веру.  
Если и это правда —  
Что же осталось?»  
Правда.

Она и осталась.  
 А то возвышенное,  
 Где оно?  
 Красивое, оптимистичное, крепкое,  
 Как железобетонный пионер на клумбе, —  
 Где оно?  
 Ах!  
 Что же осталось?  
 Стою распрямившись.  
 В лицо —  
 Трезвый утренний ветер.  
*(Михаил Романушко — «Д.П.»)*

После короткой «оттепели» начался период брежневского застоя... Это были годы, когда я начала писать, и стихов, связанных с ощущением времени или какими-то событиями тех лет у меня довольно много. «Лицемерие, компромиссы, / полуправда и просто ложь...»; «Постройка на крови и на костях... / С таких фундаментом и стены скверны...»; «Питаемся мы полуправды кашей / со сладкою подливой полулжи...» И далее в таком духе.

В то время по стране уже во всю ходил самиздат, и многочисленную интеллигенцию активно сажали в лагеря как раз «за чтение, хранение и распространение литературы», — лагеря, правда, были уже не такие жуткие, как сталинские. Гораздо страшнее лагерей тогда боялись карательных психушек:

Кем до рожденья я перебивалась?  
 И почему нисколько не боюсь  
 Ни дома серого на полквартала,  
 Ни визга тормозов ночных «Марусь»?

Но я боюсь людей в халатах белых,  
 Переступивших клятву Гиппократу,  
 Инакомысли вытравят умело  
 И не допустят с воли адвоката...

**«Тогда совали инакомыслящих: мы — в свои сумасшедшие дома, американцы — в свои. Я спросила однажды Юру Фрадкина, есть ли норма? Он сказал: «Троечник, унылый троечник». Так получается, что всякий талантливый и способный человек — сумасшедший» (Варвара Шкловская-Корди).**

Так тогда и было — всякого талантливого и думающего, а, следовательно — инакомыслящего, совали в сумасшедшие дома, потому что в правительстве сидели те самые «унылые троечники», способные лишь на то, чтобы поддерживать серую тоскливую атмосферу с помощью везде поставленных своих осведомителей:

На стене висит пожарная кишка,  
 За людьми она следит исподтишка,  
 Потому что в заведение закурить —  
 Это значит, учреждение основательно спалить.

На стене висит пожарная кишка,  
 А вокруг царит дремучая тоска.  
 У людей один-единственный заскок —

Кто бы наше учреждение основательно поджег?

*(Владимир Москвин)*

То, что «наше учреждение» сгорит еще при нашей жизни, никому в голову даже не приходило. Так — мечты маниловские...

В 1979 году остававшиеся у власти сталинисты наметили торжественное проведение столетия со дня рождения главного палача и «вождя народов» — в печати началась подготовка общественного мнения к изменению знака минус на плюс в оценке этой фигуры. На это я отреагировала коротким стишком:

ЮБИЛЕЙНОЕ

Поразвел — плах,

поразмел — смех,

Произвол, страх

поизвел всех.

Где же тьмы тех,

чей во тьме прах?

Замолчать — грех,

закричать — крах...

К счастью, эти попытки остались безрезультатны — тогда все было еще слишком близко, многие вернувшиеся из лагерей были еще живы.

Брежневский застой — это время нереализованных амбиций, кухонных посиделок, всеобщего пьянства и черных суббот, о чем выразительно сказано в песне того же Володи Москвина из серии «Алкоголи»:

Пожалей меня, сердешного, мне бы яблочка моченого,

Мне б рассола огуречного, а у меня суббота черная!

Вот сижу в остервенении за свою восьмерку в табеле,

И такое настроение, хоть ты вешайся на кабеле!

Закатив глаза потухшие, задыхаюсь в диком лепете,

А кругом одни опухшие умирающие лебеди!

Пожалей меня, сердешного, мне бы яблочка моченого,

Мне б рассола огуречного — а у меня суббота черная!

*(Владимир Москвин)*

По поводу рабочих суббот и страшной безысходности тех лет в моей папке лежит еще одно стихотворение середины семидесятых, переписанное почерком моего мужа — он привез этот листок из Харькова от тогда мало кому известного, а ныне знаменитого поэта Бориса Чичибабина.

Как страшно в субботу ходить на работу,

в прилежные игры согбенно играть

и знать, на собраниях смиряя зевоту,

что в тягость душа нам и радостно рабство.

Как страшно, что ложь стала воздухом нашим,

которым мы дышим до смертного часа,

а правду услышим — руками замашем,

что нет у нас Бога, коль имя нам масса.

Как страшно смотреть в пустоглазые рожи,

на улицах наших как страшно сегодня,  
как страшно, что, чем за нас платят дороже,  
тем дни наши суетней и безысходней.

Как страшно, что все мы, хотя и подстражно,  
пьянчуги и воры — и так нам и надо.  
Как страшно друг с другом встречаться. Как страшно  
с травой и небом вражды и разлада.

Как страшно, поверив, что совесть убита,  
блаженно вкушать ядовитые брашна  
и всуе вымаливать чуда у быта,  
а самое страшное — то, что не страшно.  
*(Борис Чичибабин)*

Про эти и другие передаваемые из рук в руки «запретные листы» Татьяна Галушко написала стихи, тоже ходившие в самиздате:

От нашей кровавой эпохи  
Останутся нищие крохи  
На белых запретных листах.  
Как зерна от дикого поля,  
Чью рожь и пшеницу пололи,  
А плевелы ели в хлебах.  
*(Татьяна Галушко)*

К счастью, ее печальный прогноз по поводу «нищих крох» не оправдался — осталось достаточно, чтобы сделать выводы и не наступать на те же самые грабли, но — увы... Кто-то сказал фразу (цитирую по памяти): «История учит тому, что она ничему не учит».

В те застойные времена картина по стране была более-менее одинакова, но все-таки какое-то значение имело и то, кто конкретно стоял во главе города. В частности, наши питерские властители от столичных отличались неприкрытым антисемитизмом и зоологической нетерпимостью ко всему, что хоть как-то выбивалось из ряда. От них зависели те, кто был значительно образованнее, умнее и одареннее их самих, и это бесило особенно.

**«Как-то на завод приехал первый секретарь обкома Толстиков и в окружении свиты явился в Мишин цех. Выслушав объяснения начальника цеха, про которого директор подобоострастно сказал, что товарищ Эфрос самый молодой начальник такого крупного цеха в городе, Толстиков вдруг поднял глаза к потолку, увидел закопченные стекла и строго сказал, обращаясь к Мише: “Ты... это... Стекла чтоб были помыты. Вот приеду в следующий раз, проверю. Понял?” На что получил немедленный ответ: “Понял. Приедешь, будут помыты”. Побагровев, Толстиков удалился из цеха... А потом Мишу вызвали к директору: “Да как ты... вы... посмели?! Это же – первый секретарь обкома!” – “Я на брудершафт с ним не пил, – спокойно ответил Миша, – но раз уж он решил перейти на «ты», – я не мог его не поддержать”»** *(Нина Катерли «Сквозь сумрак бытия»)*.

К этому выразительному рассказу добавлю, что помимо хамства, партийные чины города были еще потрясающе невежественны. Расскажу две подлинные истории, к сожалению, не помню фамилии первого героя.

Это произошло в Эрмитаже, когда городские власти сопровождали некую иностранную делегацию. У гудоновского Вольтера потрясенные иностранцы от первого лица города услышали: «А это наш полководец Суворов!»

Второй казус описан у Даниила Гранина, которому это рассказал режиссер театра Комиссаржевской Рубен Агамирзян. После спектакля по пьесе Алексея Константиновича Толстого «Царь Федор Иоаннович» генеральный секретарь (!) Российской компартии Полозков прошел за кулисы поблагодарить режиссера и, отдавая должное автору пьесы, сообщил, что был у него в Ясной Поляне... Слов нет... Гранин еще добавляет, что за все годы среди партийной номенклатуры не встретил ни одного по-настоящему образованного интеллигентного человека.

Ясно, что при подобном «партийном руководстве» в печать не могло пройти ничего, мало-мальски отличавшееся от уровня «унылого троечника».

Мы с каждым мгновеньем бессильней,  
Хоть наша вина — не вина.  
Над блочно-панельной Россией  
Как лагерный номер — луна.

Обкомы, горкомы, райкомы,  
В подтеках снегов и дождей.  
В их окнах, как бельма трахомы  
(Давно никому не знакомы),  
Безликие лица вождей.

*(Александр Галич)*

Красивая женщина и прекрасная поэтесса Татьяна Галушко ушла из жизни несправедливо и трагически рано, прожив всего полвека. Она знала свой страшный диагноз и работала до последнего. И как же надо было ощущать постоянный гнет этих «безликих вождей», чтобы даже тогда думать об ожидающей ее свободе от этих «начальников жизни»:

Теперь, когда смертный объявлен час,  
Меня не догнать никому из вас,  
Начальники жизни, политруки, —  
Теперь это даже вам не с руки.  
Не ужас, а боль свободы в груди:  
Моя зависимость позади,  
Заведомость каждого шага. Назад  
Я не хочу — даже в детский сад...  
*(Татьяна Галушко)*

Это начало ее поэмы «За все заплачено — не забудь!», которая напечатана уже спустя 15 лет после смерти Татьяны Галушко в книге, посвященной ее личности и творчеству. Имеются там и те стихи, которые раньше в печать не пропускались.

Кстати, ее самое знаменитое стихотворение, ходившее в самиздате, в этой книге выглядит совсем иначе. Печатаю самиздатский вариант:

О, иностранцы, как вам повезло!  
Вы в переводах гениальны дважды,  
Нам открывало вас не ремесло,  
А истина преследуемой жажды.  
Когда дыханья не перевести,

От подлости кремлевского Макбета,  
 Что остается русскому поэту?  
 Открыть Шекспира и — перевести.  
 В людские души — трубы тех аорт,  
 Ведь крови цвет теперь все тот же, красный.  
 А творчество, поскольку автор мертв,  
 Для нынешних Макбетов не подвластно.  
 Благословляю этот плагиат,  
 Когда, прибегнув к родине иной,  
 Из Гёте, как из гетто, говорят  
 Обугленные губы Пастернака.  
*(Татьяна Галушко)*

В книжном варианте сделана перестановка строф и добавлено еще восемь строчек, а главное, строка «От подлости кремлевского Макбета» заменена на «От ужасов стоактного Макбета», а «Для нынешних Макбетов неподвластно» — на «Верховным беззаконьям неподвластно». Видимо, существование нынешнего кремлевского Макбета включило внутреннего цензора составителя, и был помещен поздний, «проходной» вариант.

А в те времена пройти цензуру зачастую было невозможно даже вполне нейтральным текстам: то они «недостаточно советские», то «недостаточно понятные простому советскому человеку», то еще что-нибудь...

Мой приятель по ЛИТО Дома ученых Сережа Скверский подобные попытки быстро оставил:

Упаси, господь, от глупости — поддаться искусителю,  
 Жизнь себе сломать ради книжонки средней.  
 Как они стеснялись, те стишки мои, просители,  
 Робко в кучку жались, словно ходоки в передней.

Нет уж, лучше гнить им без надежд на апелляцию,  
 Под замком в столе, не видя солнечного света,  
 Полосатым арестантам — не страдать, не удивляться,  
 Что от дяди прокурора — ни ответа, ни привета.

Посмотри на бедных сих, выпущенных после срока.  
 Разве этакая жизнь в черновиках им рисовалась?  
 Как зажившиеся старцы: полки, пыль, тоска, морока,  
 Ну а давняя любовь заросла, зарубцевалась.  
*(Сергей Скверский — «Д.П.»).*

Сразу же вспомнилось и самиздатское стихотворение Бориса Слуцкого:

Лакирую действительность,  
 Исправляю стихи.  
 Посмотреть удивительно —  
 До чего же тихи!  
 Чтоб дорогой прямою  
 Привести их к рублю,  
 Я им ноги ломаю,  
 Я им руки рублю...  
 Самых смелых и бравых

Никому не отдам!  
Я еще без поправок  
Эту книгу издам.  
(Борис Слуцкий)

Спустя годы обширный архив Слуцкого трудами Юрия Болдырева будет разобран и книга «без поправок» издана, но, к сожалению, поэт ее не дожидается.

С приходом Горбачева цензуру отменили, и это стихотворение Галины Гампер — реакция на внезапную возможность говорить то, что думаешь.

Мы, привыкшие фигу в кармане держать,  
И подтекст, будто камень, за пазухой прятать,  
О, как страшно, как странно нам губы разжать  
И на старенькой «Оптиме» все напечатать.  
Все как было, как есть, чтобы речью прямой  
Наша речь наконец называлась по праву,  
Нам, отвыкшим от дома, вернуться домой,  
Нам к любви возвратиться, а не на расправу.  
(Галина Гампер — «Д.п.»)

«Возвращение домой» после стольких лет несвободы на деле оказалось гораздо труднее, чем всем нам казалось...

19 августа 1991 года произошла бесславная попытка ГКЧП совершить государственный переворот, по Москве шли танки, но армия отказалась стрелять в народ.

Стоит колосс на глиняных ногах.  
Он радужными красками раскрашен,  
Внутри же темен, запах тлена страшен,  
Толкни его — он обратится в прах,  
Но он стоит — на глиняных ногах,  
И от вселенной требует — «Speak Russian!»

Как ни странно, но это стихотворение было написана где-то на рубеже 80-х, и я сама очень удивлялась ему, ибо представить, что такое может свершиться на нашей жизни, тогда было невозможно. Тем не менее, это произошло. Три дня страну трясло, после чего Советский Союз, этот «колосс на глиняных ногах» наконец рухнул и «обратился в прах»...

Три окаянных дня и две кромешных ночи  
Запомнить навсегда, чтобы навсегда забыть.  
Мы больше не рабы... Увидел мир воочью —  
Мы больше не рабы и нас не задавить  
Ни страхом, ни стрельбой. Вдохнули мы свободу  
И больше никогда нас не загнать в Гулаг...  
Шли к площади толпой, а разошлись народом,  
Кровавый флаг сменив на свой российский флаг.

Этот стишок подписан 23 августа 1991 года. А вот что происходило уже в декабре:

ДЕКАБРЬ-91

Беспросветная ночь... Впрочем, вроде окошко сереет.

Впереди серый день бедной жизни такого же цвета.  
 Отоварить талоны... Опять батарея не греет...  
 Где бы лампочки взять? Поскорее настало бы лето!

Не живем — существуем в безвременье этом тягучем,  
 Ни туда, ни сюда, ни на верх, ни на дно не пробиться.  
 Агрессивное нечто сгущается черною тучей...  
 Пронесет или нет? Остается гадать и молиться!

По пустым магазинам таскаем пустые котомки  
 И теряем терпенье, неся непосильное бремя...  
 И не видим того, что так ясно увидят потомки:  
 Всё — эпоха сменилась... Пошло предрассветное время!

Эпоха сменилась, но что нас ждет впереди, было неясно... «Агрессивное нечто» — это активные действия антисемитских черносотенных организаций — со своей прессой, митингами, провокациями, которые милиция никак не пресекала — наоборот. Атмосфера в городе была такой накаленной, что погромы могли вспыхнуть от любой брошенной спички.

Дмитрий Быков, пару лет спустя вспоминая время, когда еще ничего не произошло, но предчувствие перемен уже витало в воздухе, удивительным образом сумел передать то тревожное состояние духа, то ожидание чего-то трагического, которое, к сожалению, оказалось не беспочвенным.

#### ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЕ

Ты помнишь, мы сидели вчетвером.  
 Пустынный берег был монументален.  
 К Европе простирался волнолом,  
 За ближним лесом начинался Таллин.  
 Вода едва рябила. Было лень  
 Перемещать расслабленное тело.  
 Кончался день, и наползала тень.  
 Фигурная бутылка запотела.

Федотовы еще не развелись.  
 От Тёмы к Сёме не сбежала Тома,  
 Чьи близнецы еще не родились  
 И не погнали Тому вон из дома.  
 Бухтин не спился. Стогов не погиб  
 Под колесом ненайденной машины.  
 Марину не увел какой-то тип.  
 Сергей и Леша тоже были живы.

Тень наползала. Около воды  
 Резвились двое с некрасивым визгом,  
 Казавшимся предвестием беды.  
 Федотов-младший радовался брызгам  
 И водорослям. Смех и голоса  
 Неслись на берег с ближней карусели.  
 На яхтах напрягали паруса,  
 Но ветер стих, и паруса висели.

Прибалтика еще не развелась  
 С империей. Кавказ не стал пожаром.  
 Две власти не оспаривали власть.  
 Вино и хлеб еще давали даром.  
 Москва не стала стрельбищем. Толпа  
 Не хлынула из грязи в квази-князи.  
 Еще не раскололась скорлупа  
 Земли, страны и нашей бедной связи.

Тень наползала. Маленький урод  
 Стоял у пирса. Жирная бабенка  
 В кофейне доедала бутерброд  
 И шлепала плаксивого ребенка.  
 Пилюсь не очень. Я смотрел туда,  
 Где чайка с криком волны задевала,  
 И взблескивала серая вода,  
 Поскольку тень туда не доставала.

Земля еще не треснула. Вода  
 Еще не закипела в котловинах.  
 Не брезжила хвостатая звезда.  
 Безумцы не плясали на руинах.  
 И мы с тобой, бесплотных две души,  
 Пылинки две без имени и крова,  
 Не плакали во мраке и тиши  
 Бескрайнего пространства ледяного  
 И не носились в бездне мировой,  
 Стремясь нащупать тщетно, запоздало  
 Тот поворот, тот винтик роковой,  
 Который положил всему начало:  
 Не тот ли день, когда мы вчетвером  
 Сидели у пустынного залива,  
 Помалкивали каждый о своем  
 И допивали таллиннское пиво?

О нет, не тот. Но даже этот день,  
 Его необъяснимые печали,  
 Бесшумно наползающая тень,  
 Кофейня, лодки, карлик на причале,  
 Неясное томление, испуг,  
 Седой песок, пустующие дачи —  
 Все было так ужасно, милый друг,  
 Что не могло бы кончиться иначе.

*(Дмитрий Быков)*

По-моему, эти стихи поразительны по эмоциональному напряжению. Или, вернее, наполнению. Перепечатав из какого-то журнала, я читала «Эсхатологическое» друзьям по телефону, как читала некогда Бродского — «Джон Донн уснул...». И сейчас вот тоже никак не могу отделаться от их интонации, настроения, состояния. Не знаю, как пишет поэт сейчас, но думаю, что в любом случае «Эсхатологическое» останется одной из лучших его вещей.

Возвращаюсь к историческим вехам. Итак, в 1991 году Советский Союз рухнул, и мы стали пытаться «жить без гнета»:

### ВЫБОР

Борись, шуми, витийствуй, прекословь —  
И все-таки: возможно ль жить без гнета?  
Давление снимешь — закипает кровь  
И выделяет пузырьки азота.

Возникнет зуд в костях и в мышцах боль,  
Расстройство в мыслях, жжение в гортани  
И тьма в глазах. Свобода? На, изволь —  
Но вольно ли тебе на воле станет?

Отдашь покой, отдашь порой и жизнь.  
А не отдашь — так потеряешь душу.  
Свобода? Да, свобода! Брат, держись —  
Мы, рыбы, завоевываем сушу.

*(Михаил Романушко — «Д.П.»)*

Поначалу «мы, рыбы» начали, было, с энтузиазмом вылезать на берег, но полного освоения суши так и не произошло — в основном, застряли в ранге земноводных... При этом в стране происходили большие потери — похоже, что вместе с водой выплеснули и ребенка, ибо многое из того хорошего, что все-таки в Союзе существовало, оказалось утраченным. Жизнь теряла былое разнообразие, и автору «Эсхатологического» так и не пришлось менять свое трагическое мировосприятие:

Что нам делать, умеющим кофе варить,  
А не манную кашу?  
С этим домом нетопленным как примирить  
Пиротехнику нашу?

Что нам делать, умеющим ткать по шелкам, —  
С этой рваной рогожей?  
С этой ржавой иглой, непривычной рукам  
И глазам непригожей?

У приверженцев точки портрет запятой  
Вызывает зевоту.  
Как нам быть? На каком языке с глухотой  
Говорить полиглоту?

Убывает количество сложных вещей,  
Утонченность ремесел.  
Остов жизни — обтянутый кожей Кашей —  
Одеяние сбросил.

Упрощается век, докатив до черты,  
Изолгавшись, излившись.  
Отовсюду глядит простота нищеты  
Безо всяких излишеств.

И всего ненасульного тайный позор  
 Наконец понимая,  
 Я уже не гляжу, как сквозь каждый узор  
 Проступает прямая.

Остается ножом по тарелке скрести  
 В общепитской столовой  
 И молчать, и по собственной резать кости,  
 Если нету слоновой.

*(Дмитрий Быков)*

В общем, тот путь, который выбрали для страны власти, сегодня уже мало кого устраивает. Похоже, наверху не очень понимают, что их бездарные и неосторожные выходки последнего времени (весна-лето 2012), только раздражают общество. Не буду отвлекаться на сегодняшние политические реалии, просто приведу очередной подходящий стишок:

Я не берусь предугадать —  
 Кто скажет, господа,  
 Кто скажет вам, куда ведет  
 Дорога в никуда.

Куда с понурой головой  
 Шагает человек  
 День ото дня, из года в год  
 В наш високосный век.

Мой друг, я выбился из сил,  
 Я до смерти устал.  
 Но, Боже правый, глядя сквозь  
 Магический кристалл,

Я вижу в сумраке ночном  
 Огни далеких звезд,  
 Бутырский вал,  
 Каретный ряд,  
 Ваганьковский погост.

*(Владимир Салимон)*

И «високосный век» в нашей стране еще так и не кончился, да к тому же еще и год сейчас 2012 — тоже високосный... И свернуть с этой дороги у нас пока что никак не получается. И даже наоборот — мы заходим в это «никуда» все дальше. Надеюсь только, что до страшного Бутовского полигона все-таки не дойдем... Хотя у того же Фазиля Искандера есть весьма настораживающая фраза:

**«За обезумевшей в своем хамстве нашей демократией, застенчиво опустив глаза, маячит диктатура».**

Это все больше подтверждается тем, как спешно куются законы, ограничивающие свободу слова, собраний и митингов. Конец двадцатого века давал нам надежды. И хотя двадцать первый век еще только начинается, поэт в своем пророческом опасении может оказаться прав. Ибо, действительно, «кто может поручиться»?

Нам выпал волк — не век, но вот прилег на грудь

И рык сменил на вой, а вой смягчил ворчаньем.  
 Вот-вот он руки нам начнет лизать, как пес...  
 А двадцать первый волк, кто может поручиться,  
 Каким родится он... Смешны твои до слез  
 Дрожащие щенки, кормящая волчица...

*(Александр Кушнер)*

**«Историки единодушно сошлись во мнении об основных общих признаках любого ига. Вот его основные приметы: поголовное уничтожение дворянства, как касты военных вождей; уничтожение основной религии, церквей, монастырей и священников (Болгария, Греция, Армения). Россией восемь десятков лет правили оккупанты. Культурная мощь нации – в её Гималаях, а не среднестатистически – абстрактном гражданине при всех его значках, дипломах и ученых званиях» (Борис Васильев).**

Этот фрагмент из воспоминаний Бориса Васильева относится к Советскому Союзу. С тех пор, как его не стало, прошло два десятилетия. Казалось бы, все изменилось: страна носит другое название, вместо КГБ у нас теперь ФСБ, вместо милиции — полиция, вместо идеологии — деньги, вместо экзаменов — пресловутое ЕГЭ... И что?!

«Культурная мощь нации» развеяна по странам, новая научная и гуманитарная элита не выращивается, теряются остатки наших преимуществ — образование, научные школы... Страной правит кагебешник, наш губернатор из той же касты, место КПСС пытается занять РПЦ, и если раньше в школах учили «Историю СССР», то нынче преподают «Историю религий» и активно пытаются ввести «Православие»...

Общество расколото, и «конвойные войска» находятся в полной боевой готовности — на страже интересов Государства, то бишь наших властителей... Я не знаю, по какому именно поводу Михаил Дудин когда-то написал «Марш победителей», но сегодня ему тут самое место:

#### МАРШ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Весь мир объемлет сразу  
 Смертельная тоска.  
 Выходят по приказу  
 Конвойные войска.

Идут железным строем  
 С редута на редут  
 И Время под конвоем  
 В Историю ведут.

Их постоянный спутник —  
 Решительный успех.  
 Весь мир для них — преступник,  
 Они превыше всех.

Любые стены треснут  
 Под взглядом этих глаз.  
 Убьют! Они — воскреснут,  
 Но выполняют приказ.

Мир разделен на части,  
 В нем властвует тоска,

Пока во власти власти  
Конвойные войска.

Пока во власти власти  
И сила, и приказ...  
И гасит в мире страсти  
Слезоточивый газ.

*(Михаил Дудин — «Д.П.»)*

Да, пока что «во власти власти и сила, и приказ»...

Архивы опять закрыты, никакой оценки прошлому не дали, отсюда оно у нас столь же непредсказуемо, как и будущее; все сильнее зажимается свобода слова, все чаще возникают политические процессы под прикрытием других названий, и что будет со страной дальше — не знает никто...

Будь, что будет, а будет у нас впереди  
То, чего ни поэт, ни философ не знает, ни Бог.  
Каждый раз выбирает Россия такие пути,  
Что пугается Запад, лицо закрывает Восток.

*(Александр Кушнер)*

Что будет со страной дальше — не знает никто. Но все-таки надежда умирает последней.

У меня эта надежда связана еще и с молодым поколением, приходящим на смену даже не нам, а нашим детям. Хочется думать, что, в отличие от сегодняшнего меркантильного мира, у этих ребят уже будут другие ценности.

К ним относится и Мария Беркович. Несколько лет назад у нее вышла книга «Нестрашный мир», откуда я выписала стихотворение, которое мне очень нравится, но которое я никак не могла к чему-то привязать, пока не вспомнила, что Маша Беркович — внучка уже прозвучавшей в этой главе известной питерской писательницы Нины Катерли.

У этой милой, доброй и талантливой девушки сложная и самоотверженная работа — она коррекционный педагог. Её миссия состоит в том, чтобы помогать больным детям адаптироваться в этом мире. В стихотворении воспитатели летнего лагеря, уложив детей, вышли на берег озера. По-моему, это очень хорошие стихи, после которых трудно продолжать разговор — хочется просто помолчать.

По воскресеньям, уложив детей,  
ключ повернув на четверть оборота,  
Мы шли среди развешенных сетей  
На берег, где зеленые ворота  
Заканчивались. Дальше мы не шли.  
Смотрели на окрестности земли.

Мы заставляли час, когда вода  
озерная становится отвесной,  
и можно перепутать без труда  
рыбачьи острова и Град Небесный.  
Шуршанье днища и уключин скрип,  
горит на мачте призрачный светильник,  
и ожерелье из сушеных рыб  
висит на перевернутой коптильне.

Сквозь темноту просвечивали бревна,  
обкатанные озером. Внутри  
спокойно спали,  
там дышали ровно  
и ежились в предчувствии зари.

На кромке озера, на одеяле мха  
послушай, как Вселенная тиха:  
то рост луны,  
и мерный треск цикады,  
и ровное дыхание стиха.  
(Мария Беркович) + + +

### «Порядок вещей»

Лет пять назад я подарила Борису Федоровичу Егорову – историку литературы, нашему хорошему знакомому и прелестному человеку, — сборник Владимира Лифшица «Избранные стихи» («Советский писатель», Москва, 1974 год).

Борис Федорович среди прочего занимается темой мистификаций и псевдонимов в русской литературе, и так случилось, что эту книжку он не знал – его основные научные интересы сосредоточены на XIX веке. Невозможно знать все – и я была рада возможности познакомить Бориса Федоровича с придуманным Лифшицем английским поэтом Джемсом Клиффордом. А себе на память оставила два стихотворения, непонятно как прошедшие цензуру семидесятых.

КВАДРАТЫ  
И все же порядок вещей нелеп.  
Люди, плавящие металл,  
Ткущие ткани, пекущие хлеб, –  
Кто-то бессовестно вас обокрал.

Не только ваш труд, любовь, досуг –  
Украли пытливість открытых глаз;  
Набором истин кормя из рук,  
Уменье мыслить украли у вас.

На каждый вопрос получили ответ.  
Все видя, не видите вы ни зги.  
Стали матрицами газет  
Ваши безропотные мозги.

Вручили ответ на каждый вопрос...  
Одетых и серенько и пестро,  
Утром и вечером, как пылесос,  
Вас засасывает метро.

Вот вы идете густой икрой,  
Все, как один, на один покрой,  
Люди умеющие обувать,  
Люди, умеющие добывать.

А вот идут за рядом ряд –  
 Ать –  
     ать –  
         ать –  
           ать, –

Пока еще только на парад,  
 Люди, умеющие убивать...

Но вот однажды, средь мелких дел,  
 Тебе дающих подножный корм,  
 Решил ты вырваться за предел  
 Осточертевших квадратных форм.

Ты взбунтовался. Кричишь: – Крадут!.. –  
 Ты не желаешь себя отдавать,  
 И тут сначала к тебе придут  
 Люди, умеющие убеждать.

Будут значительны их слова,  
 Будут возвышенны и добры.  
 Они докажут, как дважды два,  
 Что нельзя выходить из этой игры.

И ты расквасишься, бедный брат.  
 Заблудший брат, ты будешь прощен.  
 Под песнопения в свой квадрат  
 Ты будешь бережно возвращен.

А если упорствовать станешь ты:  
 – Не дамся!.. Прежнему не бывать!.. –  
 Неслышно явятся из темноты  
 Люди, умеющие убивать.

Ты будешь, как хину, глотать тоску,  
 И на квадраты, словно во сне,  
 Будет расчерчен синий лоскут  
 Черной решеткой в твоём окне.

Мне кажется просто невероятным, что такое стихотворение прошло цензуру Главлита. Неужели они просто прозевали?! Видимо, так – ведь стихи напечатаны как переводные: «Джемс Клиффорд “Порядок вещей” (поэма в двадцати трех стихотворениях, с биографической справкой и прощанием)».

Представленные ниже строчки должны были убедить цензоров в абсолютной аполитичности автора:

Мне как-то приснилось, что я никогда не умру,  
 И помнится мне, я во сне проклинал эту милость.  
 Как бедная птица, что плачет в осеннем бору,  
 Сознанием бессмертья душа моя тяжело томилась...

Далее шла «Биографическая справка: Джемс Клиффорд родился в 1913 году в Лондоне, в семье банковского клерка...»

И т.д. – довольно подробно. Конец выглядел так:

**«Изданный недавно сборник Джемса Клиффорда “Порядок вещей” (The way of things) состоит из двадцати трех стихотворений, сохранившихся у его друзей, и неоконченной автобиографической повести...**

**...Такой могла бы быть биография этого английского поэта, возникшего в моем воображении и материализовавшегося в стихах, переводы которых я предлагаю вашему вниманию».**

Похоже, что усыпленные подробной биографией Клиффорда цензоры просто прозевали заключительную фразу, следом за которой шли стихи в стиле типичной английской поэзии:

Мой дедушка Дик  
 Был славный старик.  
 Храню до сих пор его трубки.  
 Был смел он и прям,  
 И очень упрям,  
 И в спорах не шел на уступки.  
 и т.д.

Не читать же было им всю эту ерунду? Тем более что в содержании приводятся названия стихов: «Воскресная служба», «Форель», «Бамбери», «Аббатство», «Собака», «Зазывалы», «Карусель», «Мне стало известно», «Элегия», «Здравствуй, милый», «Квадраты», «Бетти», «Дежурю ночью», «Откровения рядового Энди Смайлза», «Тот день», «Пуловер», «Кофе», «Отступление в Арденнах», «Прощание с Клиффордом»...

«Квадраты» хитро запрятались между вполне невинными «Здравствуй, милый» и «Бетти». Практически, это единственное стихотворение с такой явной параллелью по отношению к нашей жизни. Хотя и в других стихах, особенно военных, тоже есть строки, навеянные прошедшему войну автору отступлением отнюдь не в Арденнах, а совсем в другом месте и в другое время:

Ах, как нам было весело,  
 Когда швырять нас начало!  
 Жизнь ничего не весила,  
 Смерть ничего не значила.  
 Нас оставалось пятеро  
 В промозглом блиндаже.  
 Командованье спятило  
 И драпало уже.  
 Мы из консервной банки  
 По кругу пили виски,  
 Уничтожали бланки,  
 Приказы, карты, списки,  
 И, отдаленный слыша бой,  
 Я – жалкий раб господень –  
 Впервые был самим собой,  
 Впервые был свободен!  
 Я был свободен, видит бог,  
 От всех сомнений и тревог,  
 Меня поймавших в сети,  
 Я был свободен, черт возьми,

От вашей суетной возни  
 И от всего на свете!..  
 Я позабуду мокрый лес,  
 И тот рассвет, — он был белес, —  
 И как средь призрачных стволов  
 Текло людское месиво,  
 Но не забуду никогда,  
 Как мы срывали провода,  
 Как в блиндаже приказы жгли,  
 Как все крушили, что могли,  
 И как нам было весело!  
*(Владимир Лифшиц)*

Об этом возникавшем на фронте чувстве свободы писали многие воевавшие. Одно из стихотворений другого поэта-фронтовика кончается так:

Нет, не вычеркнуть войну,  
 Ведь она для поколенья —  
 Что-то вроде искупленья  
 За себя и за страну.

Ведь из наших сорока  
 Было лишь четыре года,  
 Где бесстрашная свобода  
 Нам, как смерть, была сладка.  
*(Давид Самойлов)*

А Борис Пастернак вспоминал о настроении в тылу: «Трагический тяжелый период войны был вольным, радостным возвращением чувства общности со всеми».

### **Исполнилась и состоялась**

Когда дочери Корнея Ивановича Чуковского Лидии исполнилось 13 лет, отец подарил ей толстую тетрадь и наказал: **«Не записывай чувства, записывай, что произошло на твоих глазах. Не рассчитывай на кого-то, кто будет читать, а пиши для себя».**

Самое главное, что сказал дочери отец — «пиши для себя», будь в своих записях точна и правдива, будь такой, какая ты есть. И Лидия Чуковская наказ отца выполнила — она писала дневники всю жизнь, в её архиве сохранилось 260 тетрадей. Позже по ним писались ее уникальные книги, в точности и правдивости которых не сомневается никто. Л.К. и о других людях судила по тому, как они сдают экзамены на человечность:

**«Трем экзаменам подвергается в жизни человек: испытанием нуждой, испытанием страхом, испытанием богатством. Если он может переносить нужду с достоинством, страху не поддаваться, а, живя в достатке, понимать чужую нужду — он — человек».**

Лидия Корнеевна и сама была такой и уж точно никогда не поддавалась страху — она единственная из писателей еще до войны написала свою «Софью Петровну» — повесть о Большом терроре, о человеческой слепоте и страшном прозрении.

Самуил Лурье писал о Чуковской:

**«Она заглядывала Злу в лицо, рассматривала в упор, запомнив мелкие подробности, — но не понимала. И соблазна не было понять: принцип Зла был ей чужд и скучен — как понять сознание тиранозавра? Столь же отвратительная задача, сколь безнадежная».**

А заглядывать в лицо Злу приходилось близко — ее муж, крупный физик–теоретик Матвей Петрович Бронштейн во время Большого террора был арестован и расстрелян.

В один прекрасный день я все долги отдам,  
Все письма напишу, на все звонки отвечу,  
Все дыры зачиню и все работы сдам —  
И медленно пойду к тебе навстречу.

Там будет мост — дорога из дорог —  
Цветущая большими фонарями,  
И на перилах снег. И кто бы думать мог?  
Зима и тишина и звездный хор над нами!  
(Лидия Чуковская)

Эти стихи Лидия Корнеевна написала спустя 10 лет после казни мужа. Она выросла в такой семье, что не писать не могла, но, считая, что у нее «маленькая, немощная лира», своей великой собеседнице Анне Ахматовой старалась не показывать того, что писала сама. Но это стихотворение, по-моему, просто прекрасно. Как и вся ее самоотверженная жизнь.

Теперь мы знаем, как мгновенно откликнулась Л.К. на все несправедливости и клевету своим блестящим журналистским пером; как бесстрашно противостояла государственной машине насилия, какую большую цену заплатила она за то, что укрывала у себя в доме Солженицына, давая ему возможность работать над своим великим трудом.

**«На протяжении нескольких, самых тяжелых, лет своей жизни Солженицын периодически и подолгу жил на переделкинской даче и в московской квартире Чуковских. За свое гостеприимство Лидия Корнеевна заплатила дорогой ценой — и исключением из Союза писателей, и мытарствами с переделкинским музеем Чуковского, и, наконец, окончательно подорванным здоровьем»,** — это из статьи Ольги Лебедушкиной «Интеллигенция и есть сознание...» (ДН 12/08). Там же приводятся две выдержки из дневников Лидии Корнеевны:

**«Запись 11 февраля 1984 года: “Жаль, что за 10 лет так разлюбили здесь многие — А.И. Собственно, любят его без оговорок только специфические православные круги. Разлюбили — в ответ на его нелюбовь к интеллигенции, за размолвку с А.Д. (Сахаровым), за нелюбовь к Февралю, за недоговаривание... А я разлюбить не могу, как не могу разлюбить Толстого за ненависть к врачам, нелюбовь к Шекспиру, непонимание стихов и мн.др.”**

**Запись 5 июня 1994 года, относящаяся к началу триумфального возвращения Солженицына в Россию: “А я знаю только, как сожмется мое сердце и задрожат колени — оттого, что остановится лифт на нашем этаже и настанет звонок в дверь.**

**И это потому, что хорош ли этот человек или плох, он — Гулливер среди лилипутов — и, главное, потому, что вложено было в него мною слишком много страхов за него и из-за него: Люша на краю гибели несколько лет и гибель дачи К.И., нашего музея, памяти о К.И., которого я любила восторженной любовью с двухлетнего возраста и люблю по сей день. Все это — А.И.С.”»**

В моей книжке «Глухое время самиздата» есть глава «Подвижница», где приводятся ее публицистические тексты. А здесь, думаю, вполне уместно привести историю, связанную с именами Солженицына и самого Корнея Ивановича — я вычитала ее у Михаила Ардова. Это было время, когда по указке сверху писались письма с осуждением Солженицына. Происходило это и в писательском поселке Переделкино, по которому ходила некая группа людей, собирая под таким письмом подписи. Как раз тогда у Корнея Ивановича с деловым визитом находилась сотрудница Детгиза, которая все это и рассказала. Как потом она поняла, Чуковский со своего второго этажа отслеживал

маршрут этой группы, и в какой-то момент предупредил свою гостью, чтобы она ничему не удивлялась.

**«Буквально через три минуты внизу послышался звонок, и домашняя работница открыла дверь. В этот момент Чуковский выскочил на лестницу и страшным голосом завопил: “Какая сволочь меня разбудила?! Я не спал всю ночь! Я только что задремал!.. Гнать в шею! Гнать в шею! Всех гнать в шею!..” Было слышно, как хлопнула входная дверь, и незадачливые сборщики подписей в смущении удалились. А Корней Иванович преспокойно уселся в кресло за столом и сказал: “Итак, на чем мы остановились?”».**

Надо сказать, отец и дочь Чуковские были не единственными, кто помогал осуществиться «Архипелагу ГУЛАГ» — в моей записной книжке есть фрагмент воспоминаний Вадима Паустовского из книги «Мир Паустовского». Речь идет о двоюродном брате Константина Георгиевича Паустовского — Георгии Павловиче Тэнно (Теннове):

**« Г.П.Тэнно (1912-1967) окончил военно-морское училище, затем Военный институт иностранных языков. Служил офицером связи на судах союзников, ходил с ними в Исландию и Англию. Общение с иностранцами по долгу службы оказалось достаточным для его ареста уже в 1948 году. Срок — 25 лет».**

Оказавшись в одном лагере с Солженицыным, он стал прототипом упрямого кавторанга в «Одном дне Ивана Денисовича». **«В лагере у него сложилась репутация “убежденного беглеца” — так названа посвященная Тэнно глава в “Архипелаге Гулаг”».**

Выйдя из лагеря после смерти Сталина, Тэнно сумел на хуторе в Эстонии спрятать от КГБ то, что было тогда «Архипелагом». Солженицын признавал огромное значение этого поступка: **«Если бы это погребло, думаю — ни за что б я его не написал, не нашел бы терпения и умения восстановить. Потеря такого рода — разрушительна и жжет. А.С.»**

Страницы века громче  
Отдельных правд и кривд.  
Мы в этой книге кормчей  
Живой курсивный шрифт.  
*(Борис Пастернак)*

Именно «живой курсивный шрифт» — не только Чуковские и Тэнно, — помогли осуществиться этой, по определению Игоря Сухих, «книге великого гнева». И все эти люди, сделав «мужественное усилие» и выбрав нелегкий путь, который каждый проделал сам, таким образом тоже состоялись как личности.

**«Главная страсть человека – это быть, исполниться, состояться. Проблема человеческой судьбы, человеческого предназначения – это мужественное усилие отказа от разумеющихся поступков, от удобных истин, удобных чувств и мыслей, подменяющих действительные чувства и мысли.**

**...Быть человеком – значит быть один на один с миром, без каких-либо гарантий, внешних авторитетов и упований на завтра. Только свой нелегкий путь, который должен проделать сам.**

**Состояться можно только в независимом от обстоятельств пространстве и времени, озаренных молнией ясного сознания необходимости выйти из тени существующих обычаев на свет уникального опыта впечатлений, которые испытаны, пережиты и действительно поняты» (Игорь Ларин).**

Этот фрагмент в полной мере относится к Лидии Корнеевне Чуковской, но не только к ней, а еще и ко всем тем, кто, живя в нашей стране в разные и всегда трудные времена, все-таки сумел состояться «в независимом от обстоятельств пространстве и времени».

P.S. Лето 2012 года прошло под знаком «Pussi-riot» — с демонстрациями по всему миру — сперва в связи с арестом, а затем в связи с вынесенным вопреки всем юридическим нормам судебным приговором трем девочкам за то, что они спели свой *антиправительственный* панк-молебен в Храме Христа-Спасителя. Но т.к. у нас «свобода слова» и политических заключенных нет (якобы), то в их адрес звучали облыжные обвинения насчет кощунства, ненависти к православию и оскорблению чувств верующих. И это заставляет меня включить сюда текст этого панк-молебна, который, кроме известной антипутинской фразы, мало кому известен. В основном все идет по старой схеме: «Я Пастернака не читал, но...»

Богородица, Дево, Путина прогони,  
Путина прогони, Путина прогони!

Черная ряса, золотые погоны,  
Все прихожане ползут на поклоны,  
Призрак свободы на небесах,  
Гей-прайд отправлен в Сибирь в кандалах.

Глава КГБ, их главный святой,  
Ведет протестующих в СИЗО под конвой.  
Чтобы Святейшего не оскорбить,  
Женщинам нужно рожать и любить.

Богородица, Дево, стань феминисткой,  
Стань феминисткой, феминисткой стань!

Церковная хвала прогневших вождей,  
Крестный ход из черных лимузинов!  
В школу к тебе собирается проповедник,  
Иди на урок — принеси ему денег!

Патриарх Гундяй верит в Путина —  
Лучше бы в Бога, собака, верил!  
Пояс Девы не заменит митингов —  
На протестах с нами Приснодева Мария!

Богородица, Дево, Путина прогони,  
Путина прогони, Путина прогони!

«Гундяй» — от неблагозвучной фамилии нынешнего патриарха, который всеми силами пытается превратить нашу многонациональную страну в «Русь православную». А то, что Путин человек мелкий и весьма злопамятный — это уже давно известно всем.

Судебная система на этом позорном процессе рухнула, общество расколото, начались действительно кощунственные преступления против церкви — возникают надписи на соборах, падают поклонные кресты, в ответ тут же появляются православные дружины с националистическим духом, появились уже и открытые фашисты, и чем

закончится вся эта заваруха, спровоцированная нашим, мягко говоря, неумным правительством вкупе с церковниками, еще неизвестно...

И только снова могу повторить: что будет со страной дальше — не знает никто. Но все-таки надежда умирает последней. +++

## О ТОМ, О СЁМ, О ПРОХОДЯЩЕЙ ЖИЗНИ...

Для рук, заготавливающих хворост,  
наступает предел. Но огонь продолжает  
разгораться, и есть ли ему предел — неведомо.

*Чжуан-цзы*

### Бодрийяр и Лао-Цзы

Обычно я выписывала цитаты, которые так или иначе задевали мою душу, но вот у Александра Гениса я всегда находила пищу для ума. Время от времени мне попадались его книги, эссе или какие-то другие тексты, и я всегда с интересом их читала и часто что-либо выписывала, несмотря на обычную склонность Гениса говорить излишне сложным языком. Но зато о чем-то сложном с помощью сравнения или метафоры он вдруг может сказать так, что сразу все становится понятным.

**«Поскольку процесс коммунистического строительства давал прямо противоположные результаты, советской метафизике приходилось все энергичнее замазывать пропасть между теорией и практикой. Чем меньше порядка было в жизни, тем больше его должно было быть в искусстве. Этим объясняется нарастающая нетерпимость к “неорганизованному” искусству — от разгрома авангарда и статьи “Сумбур вместо музыки” до хрущевских гонений на абстракционистов и брежневской “бульдозерной выставки”. Не случайно из всех символов советской метафизики самым долговечным оказался “порядок”. Меняясь и приспособляясь, он по-прежнему узнаваем в мечтах о “регулируемом рынке” и “сильной руке”».**

Или, например, маленькое эссе о поэзии:

**«Поэзия, настоящая, конечно, сгущает реальность, от чего та начинает жить по своим законам, отменяющим пространство и время, структуру и иерархию. Информационная среда уплотняется до состояния сверхпроводимости, при котором все соединяется со всем. В таком состоянии нет ничего случайного. Тут не может быть ошибки. Бессмысленно спрашивать, правильно ли выбрано слово. Если оно сказано, значит — верно.**

**...Муравей, ползущий вдоль рельсов, никогда не поймет устройства железной дороги. Для этого необходимо ее пересечь, причем в любом месте.**

**...Всякий писатель мечтает об одном: вставить в свою книгу весь мир, убрав из него все лишнее.**

**...Сергей с наслаждением смирял свою прозу собственными драконовскими законами, но еще больше он дорожил советом Луи Армстронга: «Закрой глаза и дуй!»**

Эти «литературные» цитаты взяты из книги Гениса «Довлатов и окрестности». «Драконовские законы» Довлатова — это его жесткое правило не иметь в одной фразе слов, начинающихся с одинаковых букв. По мнению этого строгого стилиста, такое

ограничение дисциплинирует ум и не дает возможности включать в текст первое попавшееся выражение или слово. Свои ранние вещи Довлатов не разрешал перепечатывать без его редактуры.

А это фрагмент из книги Гениса «Фотография души»:

**«От образа след отличается безвольностью и неизбежностью. Он — бесхитростное следствие нашего пребывания в мироздании: топчась по нему, мы не можем не наследить. След обладает подлинностью, которая выдает присутствие реальности, но не является ею. След лишь указывает на то, что она здесь была».**

Надо сказать, не каждому литератору дано так четко и образно формулировать свои мысли:

**«Построенная на позитивистской парадигме, цивилизация не умеет обращаться с тайнами — она путает их с загадками.**

**...Характерно, что главной машиной постиндустриализации стал компьютер, чьим девизом могли бы стать слова Конфуция: “Я передаю, а не сочиняю”.**

**...Только методом проб и ошибок мы учимся не отклоняться в сторону от пути».**

Помимо создания собственных текстов, Александр Генис любит пересказывать чужие, обычно не слишком нам доступные, и это его культуртрегерство мне очень нравится — ну, где еще я смогла бы узнать о «Истории реальности» Бодрийяра?

### **История реальности**

**Французский философ Жан Бодрийяр пишет, что эволюция образа проходила через четыре этапа:**

**на первом — образ, как зеркало отражал окружающую реальность;**

**на втором — извращал её;**

**на третьем — маскировал ОТСУТСТВИЕ реальности;**

**на четвертом — образ стал «симулякром», копией без оригинала, который существует сам по себе, без всякого отношения к реальности.**

**Действенность этой схемы можно продемонстрировать на материале отечественной культуры:**

**«зеркальная» стадия — это «честный» реализм;**

**образ, извращающий реальность — это авангард Хлебникова, Малевича или Мейерхольда;**

**искусство фантомов — (например, социалистические соревнования) — это соцреализм;**

**к симулякрам, симулирующим реальность, можно отнести соц-арт, вроде известной картины В.Комара и А.Меламида «Сталин с музами». ...Образ становится все более, а реальность все менее важной, в конце образ «съедает» действительность.**

Жан Бодрийяр — современный французский социолог, культуролог и философ-постмодернист. И вот он-то вместе с Генисом наконец-то мне внятно и объяснили, что такое симулякр.. Раньше все теоретические объяснения быстро забывались, но как забудешь «Сталина с музами»? Да и вообще иллюстрации каждого из этапов эволюции образа здесь понятны и выразительны.

Под конец привожу в переложении Гениса изречения Лао-Цзы. На самом деле их много, здесь только крохотная часть той мудрости, которую за шесть веков до нашей эры постиг этот «Благородный муж-отшельник»:

Не вмешивайся, и все само займет свои места.  
 Тот, кто стоит на цыпочках, нетвердо держится на ногах.  
 Тот, кто торопится вперед, далеко не уходит.  
 Тот, кто блещет, приглушает свой собственный свет.  
 Тот, кто ищет себе определение, не узнает, кто он.  
 Тот, кто преодолагает себя, лишается сил.  
 Тот, кто цепляется за свою работу, не создаст ничего долговечного.  
 Слишком полная чаша переливается, слишком острое лезвие ломается.  
 Рождасть, не пытаясь завладеть рожденным, творить, не рассчитывая на результат, вести, не пытаясь давить — вот верх достоинств.  
 Завершив, устранись.  
 Если хочешь быть в согласии с Дао, сделай свое дело и иди.  
 («Дао дэ цзин» — «Книга пути и благодати». Проза древнего Китая).

### Без комментариев

Эти собранные в разные годы цитаты и выписки ни в каких моих комментариях не нуждаются. Я даже почти не думала над их расположением — как-то оно само так расположилось.

«Существуют две загадки в мире: звездное небо над головой и категорический императив внутри себя» (Эммануил Кант).

### Десять заповедей

записаны в две группы по пять в форме столбцов.

Справа – Закон мужской, слева – Книга Пророков – женский камень.

Закон дан непосредственно Божеством, Книга Пророков Ветхого Завета родилась через Природу – Огонь и вода, Активное и Пассивное, Солнце и Луна, Свет и Тьма, Добро и Зло, Интеллект и Плоть, Мудрость и Любовь — выражение Божественной энергии.

Декалог гл. 20 Исхода

1. Я, Господь, Бог твой... да не будет у тебя других Богов.
2. Не делай себе кумира...
3. Не произноси имени Господа всуе...
4. Помни день субботний...
5. Почитай отца твоего и мать твою...
6. Не убивай...
7. Не прелюбодействуй...
8. Не кради...
9. Не лжесвидетельствуй...
10. Не желай дома ближнего своего... Ничего, что у ближнего твоего...

«Основа и сущность христианства в том, что оно воспитывает и растит в человеке жизнь внутреннюю, сокровенную. Вера Христова и обращается к этой внутренней сокровенной жизни» (Борис Шергин — «Из дневников»).

### «О Шергине

Советское литературоведение никак не решалось признать в нем истинного художника, создавшего нечто более, чем литературное произведение — живую панорамную картину русской жизни, “фрагменты” которой соединяются не столько «местом действия», сколько благотворным действием христианского православного мирозерцания, нравственным поведением человека, основанным на вере, которая

внушает тебе твое личное обязательство перед Богом, перед всей окружающей жизнью, прошлой и будущей.

Только в этом духовном содержании выражается, на мой взгляд, присутствие истины в слове. Без такого содержания слово оказывается беллетристикой. И вот почему литературное творчество Шергина нельзя назвать беллетристикой, не искажая его смысла. Пусть мы не знаем, в чем полнота истины, как она определяется...

Но ощущение истины, предчувствие истины в этом мире, предчувствие, о котором мне, слабому человеку напоминает все устройство моего быта и сопровождает меня по всей жизни, будет действовать на меня постоянно — как магнит, направляя мое частное бытие, удерживая от сомнительного действия или слова» (*Юрий Галкин — «Москва», июль 1986*).

«Христианский тип человека: внутренне твердый, но именно поэтому внешне мягкий» (*Фазиль Искандер*).

«Мельком Бродский обронил несколько интересных фраз. Он сказал, что всем обязан какому-то своему другу Гарри. “Я ныл, был болен, жаловался. Он мне сказал: “Ты ведь не тело”. С тех пор я все понял» (*Лидия Чуковская*).

«Вы спрашиваете, что означает моя вера в Бога? Я верю, что существует счет, и к этому счету всегда мысленно обращаюсь. Меняются эпохи, времена и люди, но ведь красоту добра и самоотвержения люди понимают всегда, во все времена. Красота отдачи себя понятна всем людям. Культивирование этой красоты — это и есть религия» (*Тамара Габбе*).

«Поистине, все зло мира истекает из одного источника и этот источник — вакуум человеческой любви к Богу и ближнему» (*Э.Венгерова*).

«Пропасть между душами заполнена может быть только Богом» (*из письма Веры Буниной*).

«Теперь, когда у меня уже не те чувства и не те годы, теперь, когда я обогатился новым опытом и потерял столько ложных иллюзий, — что бы я сделал в тех обстоятельствах, которые сейчас вспоминаются мне?» (*Антоний (Блоом) Митрополит Сурожский, Владыка Антоний, «Лондонский владыка»*).

«И теперь думаю, что естественная смерть не придет, пока человек имеет что-нибудь выразить. Но случай внешний ударит, и никому, ничему и дела нет» (*Александр Герцен*).

«Человек умирает тогда, когда он умирает, -- каждый в свое время. Здесь ничего нельзя сделать и никого нельзя винить. На это есть Божья воля» (*Маргарита Эскина по поводу смерти Горина*).

...А промысел Божий, как водится, в тайне.  
Кричу я над бездной, я горло срываю.  
Мне сорокалетнее страшно скитанье  
И смерть по дороге к грядущему раю.  
(*Галина Гампер*)

**«Отсутствие ясных доказательств Бытия Божия необходимо для сохранения человеком свободы веры.**

**Что же происходит сейчас? Генетики уловили присутствие Бога. Тоже физики, астрономы и т.д. Присутствие Бога ощущается всеми представителями точных наук. Археологи в Палестине оправдывают акты, описанные в Библии. Туринская плащаница... Это вообще чудо, явленное ученым. Она существует почти 2 тысячи лет и только сейчас “заговорила”. Почему? Я думаю — все это признаки приближающегося конца мира. Конец мира приближается, и не по воле Бога, а по воле человека. Бог «не может» покончить со своим творением.**

**Но человек по своей изначальной свободе, конец которой приходит, но еще не наступил, может разрушить мир. И хочет это разрушение приблизить. Своего рода “воля к самоубийству”. Бог не хочет этого и приоткрывает завесу над проблемой Своего существования. Явление свое в науке, в Туринской плащанице, изучаемой учеными, т.е. явившейся именно сейчас ученым, — это последняя попытка вернуть людей и мир к жизни, спасти его от самоубийства, сделать людей более ответственными за свои ужасные поступки. Да будет Воля Твоя!»**

К сожалению, под этой значимой выпиской автор не указан.

Под конец приведу цитаты, в которых заключены три модели жизненного поведения, предлагаемые мудрецами разных конфессий.

**«Боже, дай мне силы изменить то, что я могу изменить, терпения, чтобы принять то, что я не могу изменить, и мудрости, чтобы отличить первое от второго!»**

**«Не плачь, не впадай в ярость. Пойми» (*Барух Спиноза*).**

**«Не вмешивайся, и все само займет свои места» (*Лао-Цзы*).**

Первое высказывание оставляю анонимным, поскольку оно существует в разных вариантах и приписывается разным христианским авторам. Например, эпиграф к роману Гайто Газданова «Пилигримы», приведенный на английском языке, в переводе (там же) выглядит так:

**«”Боже, дай нам силы — достойно принять то, что неизбежно. Дай мужества — изменить то, что изменить можно и должно. И дай мудрости, чтобы первое отличить от второго”. Слова, приписываемые адмиралу Харту».**

**Она пришла...**

Грузинский писатель Реваз Инанишвили с грустью констатировал, что он и его друзья перестали смотреть вперед:

**«Мы больше не мечтаем. Наше сознание занято оценкой прожитых дней. Начинается старость».**

Увы — мое сознание тоже занято именно этим...

Причем «постарение состоит не в том, что ты уже не можешь чего-то, что мог раньше, а в том, что этого как-то не хочется (*Александр Мецгеряков*).

И точно, еще можешь — но уже не хочешь. Впрочем, всегда оптимистичный Губерман даже в этом нашел нечто хорошее:

**«Она пришла, и следует вести себя достойно... Я еще очень многое могу, но уже почти ничего не хочу — вот первый несомненный плюс».**

А Борис Кузин, который **«последнее время стал довольно равнодушно относиться к будущему»**, пришел к сугубо практическим выводам: **«К старости нужно в большом количестве запастись или терпением, или деньгами»**.

К сожалению, ни того, ни другого в достатке никогда не бывает. Да и Бог с ним, потому что самое большое желание у всех, кто перешел эту черту, совсем другое:

**«Самым моим большим желанием всегда было сохранить в старости рассудок. А дьявол только тем и занят, что дает нам щелчок по носу, показывая, до чего мы во всем глупы. ...Как раз теперь я приближаюсь к самому важному экзамену — к последнему. И весь итог жизни зависит от того, как мне удастся его сдать»**.

Кузин сдал этот экзамен еще в 1975 году, полагаю, он сделал это достойно.

Легкой жизни я просил у Бога:  
Посмотри, как мрачно все кругом!  
Бог ответил: Подожди немного  
Ты меня попросишь о другом.  
Вот уже кончается дорога,  
С каждым годом тоньше жизни нить...  
Легкой жизни я просил у Бога –  
Легкой смерти надо бы просить.

*(Иван Тхоржевский)*

А Тадеуш Конвицкий на свои заданные в пространство вопросы ответа еще не получил: **«Многих событий, инцидентов, новостей я уже не увижу и не услышу. Но ведь я по природе своей нелюбопытен. Гораздо увлекательнее то, что меня ждет по другую сторону. По другую сторону чего: времени, реальности, черной и глухой стены тайны? Ждет ли, да и вообще есть ли там что-нибудь?»**

Наверное, Тур Хейердал в свои слова вкладывал другой смысл, но я помещаю их в этот контекст:

**«Мы все идем в неведомое “завтра”, и только оглядываясь назад и изучая свои собственные следы, можно понять, куда мы идем»**.

Мы все идем в одну сторону, наш путь становится все короче, но сил все меньше, а проблем все больше... Никто не знает, где и когда этот путь оборвется, и потому приходится учиться «жить с этим»:

Как и к боли в суставах, не легко и не сразу,  
Но даже к собственной глупости со временем привыкаешь,  
И к тому, что ум застревает, зайдя за разум,  
И к тому, что кашляешь, и к тому, что икаешь.  
Научитесь жить с этим — с энурезом и диабетом,  
С диатезом, рожей и псориазом,  
С долгой зимой, холодным летом,  
Со своей женой, с пьющим соседом, танцевать с протезом  
И дышать углекислым газом.

*(Ольга Сульчинская)*

**«Да ведь глупо мучиться уже! Как будто сто лет жить осталось! Как будто сто лет жить осталось! Это теперь заклинание такое. Иногда помогает...»**

Так Александр Моисеевич Володин, всегда находивший повод за что-то себя корить, уговаривал самого себя.

И неба светлое свечение,  
И речек сильное течение

Перестают иметь значение.  
 Перестают иметь значение...  
*(Александр Володин)*

Увы — все это уже давно перестало иметь значение и для Володина, и для Дмитрия Сергеевича Лихачева, который оставил нам выстраданные мысли о старости — он ушел в 93 года. Прочтите его текст внимательно, и еще внимательней, если вы пока еще относительно молоды:

**«Как быть в старости? Как преодолеть ее недостатки? Старость – не просто угасание, успокоение, а как раз напротив: это водоворот непредвиденных хаотичных, разрушительных сил.**

**Со старостью нельзя играть в поддавки; ее надо атаковать. Надо мобилизовать в себе все интеллектуальные силы, чтобы не плыть по течению, а уметь использовать хаотичность, чтобы двигаться по нужному направлению. Надо иметь доступную для старости цель.**

**Старость расставляет «волчьи ямы», которых следует избегать.**

**Старость — это тоска. Так важно в старости понимание другими — твоего стариковства.**

**Общаться со стариками нелегко. Это ясно. Но общаться нужно, и нужно делать это общение легким и простым. Старость делает людей ворчливее, болтливее. Нелегко для молодых переносить и глухоту старых. Старые люди недослышат, невпопад отвечают, переспрашивают. Надо, разговаривая с ними, повышать голос, чтобы старики расслышали. А повышая голос, невольно начинаешь раздражаться (наши чувства чаще зависят от нашего поведения, чем поведение от наших чувств).**

**Старый человек часто обижается. Одним словом — трудно не только быть старым, но и трудно быть со старыми.**

**И тем не менее молодые должны понимать: все мы будем старыми. И еще должны помнить: опыт старых ох как может пригодиться. И опыт, и знания, и мудрость, и юмор, и рассказы о былом, и нравоучения».**

«Старость — это тоска. Так важно в старости понимание другими — твоего стариковства»...

Вон они идут, старенькие и дряхленькие  
 Вон они, седенькие и лысенькие,  
 Пузатенькие и зобастенькие  
 Тонконогенькие и кособокенькие  
 Беззубенькие и тусклоглазенькие  
 Ненужненькие и безобразненькие  
 Вон они, наше высшее достижение  
 Продукт наших усилий и стремлений

Я только что поступила в эту труппу  
 Еще не привыкла к новой маске  
 Еще нетвердо выучила новую роль  
 То и дело выхожу из образа  
 Но можно не бояться, что сыграю плохо  
 Это всего лишь вопрос времени  
 Успех мне обеспечен

Я не чувствую себя старой  
 Я чувствую себя молодой женщиной  
 С которой случилось нечто непоправимое

Как это так — вчера могла, а сегодня нет  
 Вчера хотела, а сегодня нет  
 Вчера помнила, а сегодня нет  
 Вчера радовалась, а сегодня нет  
 Вчера любила, а сегодня нет  
 Вчера было, а сегодня нет  
 Кто это позволяет себе со мной такие вольности  
 Что за грубое вмешательство в мою частную жизнь

Я часто думала о смерти  
 Но тут внезапно нагрянула старость  
 С ней оказалось столько хлопот  
 Что мысль о смерти временно отступила  
*(Юлия Винер — начало цикла «О старости и смерти»)*

Я тоже еще нетвердо выучила новую роль, но — увы — «это всего лишь вопрос времени»...

**«Достигнув известного возраста, начинаешь понимать, что жизнь, в сущности, — непрерывная утрата. Теряешь не только зубы, волосы, блеск глаз, но и все силы и богатство души, способности, привязанности, воспоминания, чувства и даже желания. Один за другим падают перерубленные тросы, прикрепляющие дух к земле, и, почти освобожденный, он трепещет от собственной легкости» (Анастас Далчев).**

К своему последнему юбилею я написала стишок, который, начинается почти так же, ибо, как выясняется, у всех это происходит практически одинаково:

Теряю волосы и зрение,  
 теряю память, зубы, слух...  
 Осталось собственное мнение,  
 пока еще свободный дух,  
 Еще компьютер, Шери, книжки,  
 Муж, дети, внуки, белый свет —  
 Необходимые излишки  
 Моих восьмидесяти лет!

Как ни странно, стишок на ту же тему утрат закончился довольно оптимистично: дух пока еще свободен, голова тоже худо-бедно работает, о чем-то еще думается, что-то на компьютере еще пишется... А это означает, что **«работает потребность приложения еще не иссякшей энергии человека** (повторим в сокращении урок Лидии Яковлевны), **который должен сделать все, что может сделать.**

Так что «продолжим наши игры»...